

№ 1 (25) 2019
ISSN 2305-8838

Ученые записки
Национального
общества
прикладной
лингвистики

**Национальное общество прикладной
лингвистики (НОПриЛ)**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Научно-исследовательский
журнал**

№ 1 (25)

**МОСКВА
2019**

УДК 81'33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:

д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:

к.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:

А.И. Казина

(ГБПОУ МО «Колледж «Коломна»)

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)

к.культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)

д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)

д25.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)

к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., доцент Л.Н. Лунькова (ГСГУ, г. Коломна)

д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.п.н., профессор Е.Н. Соловова (НИУ ВШЭ)

д.п.н., профессор И.И. Соломатина (ГСГУ, г. Коломна)

Robert Ilson (University College London)

Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)

профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

**У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.:
НОПриЛ, 2019 – 121 с.
ISSN 2305-8838**

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор))

ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 20.03.19. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА	
Полубиченко Л.В. О профессиональном стандарте переводчика в контексте вузовского языкового образования	7
Филиппова И.Н. Фактор адресата в диахронии поэтического перевода	18
Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Nomen est omen: о названиях некоторых версий Священного Писания	27
СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА	
Казина А.И. Геометрическое представление коммуникативных стратегий авторов тревел-блогов	38
Лобанова Т.Н. Язык китайского политического медиадискурса: язык постправды и идеологическое конструирование	44
Чеснокова О.С., Рубен Дарио Флорес Арсила Наблюдения над колумбийским антропонимиком в тексте и дискурсе	61
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	

Федорова Е.С. Род и личность: к характеристике братьев Алексея и Михаила Лобановых-Ростовских. Их роль в политике и культуре XIX века (по публикациям в периодике начала XXI века)	73
<i>ПЕДАГОГИКА. МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ</i>	
Саламатина И.И. Современные тенденции коллаборативного обучения в малой учебной группе американской школы	100
<i>КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА</i>	
Савельев С.В. Формирование общественного мнения о коммерческой атомной энергетике в «постфукусимский» период в дискурсе популярных англо-американских цифровых СМИ: опыт корпусного исследования	107
Список авторов	116

CONTENTS

<i>THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION</i>	
L. Polubichenko The professional standard in translation through the prism of university language education	7
I. Filippova Recipient factor in poetic translation diachrony	18
G. Khukhuni, A. Osipova Nomen est omen: about the titles of some Bible versions	27
<i>STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS</i>	
A. Kazina Geometric representation of travel blogs authors' communication strategies	38
T. Lobanova The language of China's political media discourse: the language the post-truth era and political truth constructing	44
O. Chesnokova, Ruben Dario Florez Arcila Colombian Anthroponymicon in the text and discourse	61
<i>LINGUOCULTURE</i>	
E. Fedorova Noble family and individuality: the characterization of the brothers Alexei and Mikhail	73

Lobanov-Rostovsky. Their role in the politics and culture of the nineteenth century (publications in periodicals of the early XXI century)	
<i>METHODOLOGY</i>	
I. Salamatina Towards small-group collaborative learning in American schools	100
<i>CORPUS LINGUISTICS</i>	
S. Saveliev Forming Public Opinion On Post-Fukushima Commercial Nuclear Energy In British And American Media Discourse: A Corpus Study	107
List of authors	116

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Полубиченко Лидия Валериановна
Lydia Polubichenko

О профессиональном стандарте переводчика в контексте вузовского языкового образования

The professional standard in translation through the prism of university language education

Аннотация: Разработанный под эгидой Союза переводчиков России проект профстандарта «Специалист в области перевода» успешно прошел профессионально-общественное обсуждение и ряд экспертиз в Министерстве труда и социальной защиты. Созданный усилиями главным образом практикующих переводчиков и работодателей, стандарт не только унифицирует требования к традиционным переводческим профессиям и специализациям (письменный, последовательный, синхронный переводчик, гид-переводчик и пр.), но и впервые адекватно отражает, систематизирует и нормирует весь широкий спектр так или иначе связанных с переводом новых сфер деятельности (таких, например, как постредактирование машинного перевода, обработка памяти переводов, создание субтитров, управление переводческими проектами, межъязыковая локализация и мн. др.), подготовка по которым сегодня не ведется практически нигде несмотря на всю их востребованность современным рынком труда. Принятие профстандарта открывает не только перед лингвистическими факультетами, но и перед языковыми кафедрами неязыковых вузов широкие возможности специализации подготовки с учетом современных требований рынка переводческого труда и обнаруженных «компетентностных лагун». Это можно осуществлять как в рамках основной подготовки студентов по иностранному языку, если позволяет предусмотренный учебным планом бюджет времени, так и через создание разнообразных дополнительных программ, которые уже нет необходимости делать всеобъемлющими, подобно известной программе профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», а можно сфокусировать на формировании какой-либо конкретной профессиональной компетенции из числа недавно появившихся и поэтому редких, но не менее важных для сегодняшних работодателей.

Abstract: Drafted under the auspices of the Union of Translators of Russia, the professional standard in translation successfully went through the public and professional consideration stage and was finally submitted to the Ministry of Labour and Social Protection for review and endorsement. The standard was worked out by a team of experienced translation practitioners and employers and meant to harmonize the requirements to the traditional professions and specializations in the field (for example, translator, consecutive interpreter, simultaneous interpreter, guide-interpreter, etc.) as well as to adequately represent, systematize and standardize a wide range of new fields of expertise and activity linked in one way or another with translation, such as machine translation post-editing, translation memory management, subtitling, translation project management, language localization and the like. Specialists in these new fields, though desperately needed by the modern labour market, are hardly trained at a university level anywhere in the country. The endorsement of the Standard by the Ministry will open new vistas for language education both at university schools of modern languages and linguistics and at

language departments of non-linguistic university faculties. Training specialists in the new fields of translation can be accomplished by adjusting the relevant curricula within basic educational programmes to the recent requirements of the translation market as well as by developing supplementary education programmes in translation. To qualify as professional retraining programmes, the latter no longer have to be as bulky and comprehensive as the well-known Translation in the sphere of professional communication is; it is sufficient to focus the retraining programme on forming just one or two translation competences, provided they are highly specific and rare and are much sought after by employers.

Ключевые слова: перевод, профессиональный стандарт переводчика, переводческие компетенции, языковое образование, дополнительное образование.

Key words: translation, professional standard in translation, translation competences, language education, supplementary education.

О необходимости принятия профессиональных стандартов, которые бы унифицировали требования, предъявляемые рынком труда к уровню знаний, умений, профессиональных навыков и опыту работы сотрудника, впервые заговорили еще в далеком 1997 г., когда этот термин был официально использован в «Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов», утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.02.1997 № 222, подписанным В. С. Черномырдиным. По ряду объективных и субъективных причин понадобилось более 10 лет, чтобы перейти в этой области от слов к делу, и отдельные профессиональные стандарты стали постепенно появляться только в 2007–2008 гг. В последние несколько лет работа в этой области значительно активизировалась, и на настоящий момент в Реестре профессиональных стандартов Министерства труда и социальной защиты РФ значится 1261 профстандарт [Реестр..., Электронный ресурс], и еще целый ряд проектов стандартов находятся на разных стадиях прохождения процедуры утверждения. К последней категории относится и поданный в Министерство в 2018 г. проект профессионального стандарта переводчика [Профессиональный стандарт, Электронный ресурс], разработанный под эгидой Союза переводчиков России [Пояснительная записка, Электронный ресурс], принятие которого ожидается к началу 2019/2020 учебного года.

Понятно, что профстандарт переводчика необходим прежде всего вузам лингвистического профиля, готовящим переводческие кадры в рамках основного образования: в соответствии с Федеральным законом N 273-ФЗ "Об образовании

в Российской Федерации" без учета требований профстандартов невозможно создание полноценных ФГОС ВО 3++. Однако и в неязыковых вузах, где обучение переводу специальных текстов всегда являлось приоритетным аспектом преподавания иностранного языка, принятие профстандарта переводчика способно оказать существенное влияние на объем и качество иноязычной подготовки студентов, так как откроет перед кафедрами иностранных языков новые возможности для развития дополнительного образования (далее – ДО) и создания дополнительных профессиональных программ (ДПП).

Профстандарты оперируют следующими основными понятиями:

- обобщенные трудовые функции (ОТФ)
- трудовые функции (ТФ)
- трудовые действия (ТД)
- необходимые умения (НУ)
- необходимые знания (НЗ)
- требования к специалисту: образованию, обучению, опыту практической работы (ТС).

Хотя в профессиональных стандартах понятие компетенций, ставшее уже привычным в вузовских кругах, и не используется, трудовые функции, детализируемые в трудовых действиях, необходимых знаниях и умениях, в совокупности как раз и складываются в профессиональную компетенцию, понимаемую как «способность успешно действовать на основе умений, знаний и практического опыта при выполнении задания, решения задачи профессиональной деятельности» [Блинов et al, 2010: 10].

В проекте профстандарта переводчика предусмотрено пять ОТФ, первые две из которых соответствуют шестому, а остальные – седьмому уровню квалификации из 9 возможных:

А. технологическая поддержка переводческой деятельности;

В. неспециализированный перевод;

С. профессионально-ориентированный перевод;

Д. контроль качества перевода;

Е. руководство переводческой деятельностью.

Уже из простого перечисления ОТФ ясно, что в проекте стандарта удалось емко и логично структурировать огромное разнообразие связанных с переводом видов деятельности, востребованных на современном рынке труда, а их дальнейшая детализация на ТФ, а затем и ТД, НУ и НЗ, как будет показано ниже, убеждает в существовании явных лакун в перечнях компетенций выпускников вузов в ныне действующих образовательных стандартах по переводу по сравнению с тем, чего требует рынок труда.

Особого внимания заслуживают предъявляемые проектом стандарта требования к образованию, обучению и опыту практической работы специалистов, которым надлежит осуществлять соответствующие ТФ. Для выполнения первых двух ОТФ (А и В) требуется высшее профильное (т.е. переводческое) образование на уровне бакалавриата либо непрофильное высшее образование (бакалавриат) с дополнительным профессиональным обучением на программах профессиональной переподготовки по профилю деятельности. Для ОТФ, требующих седьмого уровня квалификации (С, D и E), необходимо уже высшее профильное образование на уровне специалитета или магистратуры либо непрофильное высшее образование (также специалитет либо магистратура) с дополнительным образованием на программах профессиональной переподготовки по профилю деятельности. Понятно, что такая постановка вопроса выводит его далеко за рамки исключительной сферы интересов вузов лингвистического профиля, прямо касаясь деятельности кафедр иностранных языков неязыковых вузов и открывая перед ними широкие возможности развития за счет разработки программ профессиональной переподготовки в рамках системы ДО.

В этой связи важно иметь в виду, что минимально допустимый срок освоения программ профессиональной переподготовки, определенный Приказом N 499 Министерства образования и науки РФ от 1 июля 2013 г. «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам», составляет всего 250 часов, что разительно отличается от нормативов трудоемкости и сроков освоения

известной программы ДО «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (1500 часов), долгое время бывшей единственной программой профессиональной переподготовки в данной области. Кроме того, допускается «зачет учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), освоенных в процессе предшествующего обучения по основным профессиональным образовательным программам и (или) дополнительным профессиональным программам, порядок которого определяется организацией самостоятельно» [Приказ..., 2013, Электронный ресурс]. Таким образом, при наличии достаточного количества аудиторных часов, отводимых в том или ином неязыковом вузе на освоение дисциплины «Иностранный язык», ее программу можно изначально выстроить таким образом, чтобы увязать основной курс преподавания иностранного языка с приобретением тех или иных востребованных на рынке труда переводческих компетенций, что позволит перезачитывать соответствующие модули основного курса иностранного языка при продолжении освоения студентами переводческих компетенций в рамках предлагаемых кафедрой ДПП.

Современные, хорошо продуманные и оптимально выстроенные программы ДО по переводу, разработанные языковой кафедрой для студентов своего вуза и рационально встроенные в образовательный процесс, способны не только поднять авторитет кафедры в глазах студентов, но и укрепить ее материальное положение. Чтобы добиться этого, разработчикам ДПП необходимо проанализировать потребности рынка переводческих услуг в своем регионе, взвесить кадровые возможности кафедры, сопоставить действующие образовательные и профессиональный стандарты по переводу и выделить те компетенции, которые востребованы рынком, но не формируются на переводческих программах основного образования [Полубиченко, 2019], и затем нацелить создаваемую ДПП именно на их выработку, максимально оптимизировав решение этой задачи за счет сопряжения программ основного и дополнительного образования. Таким образом, представляется, что основным полем деятельности программ ДО по переводу должно стать формирование новых и поэтому редких, но, как

явствует из проекта профстандарта, не менее востребованных сегодня работодателями профессиональных компетенций, которые нередко выпадают из программ подготовки переводчиков в рамках основного высшего образования, по определению более объемных, консервативных и менее гибких, чем программы ДО.

Обратимся непосредственно к проекту профессионального стандарта по переводу и рассмотрим более конкретно круг тех возможностей, которые его принятие откроет перед сообществом преподавателей иностранных языков как для перенастройки подготовки переводческих кадров в рамках основного образования (по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение и профилям «Перевод и переводоведение» по направлениям подготовки 45.03.02. Лингвистика (бакалавриат) и 45.04.02. Лингвистика (магистратура)), так и для развития системы переводческих программ ДО, в том числе и в вузах нелингвистического профиля.

Первое представление о лакунах в подготовке переводческих кадров в рамках основных образовательных программ дает знакомство со списками возможных наименований должностей и профессий, приводимыми для каждой из пяти ОТФ профстандарта. Так, для ОТФ «Технологическая поддержка переводческой деятельности» такой список включает, кроме традиционных «лингвистических» профессий корректора, редактора, терминолога или лексикографа, также и менеджера переводческих проектов, вендор-менеджера, верстальщика перевода, инженера локализации, инженера-техника оборудования для устного перевода, оператора систем машинного перевода и управления памятью переводов, удалённого контент-менеджера и пр. Уже сами названия этих недавно появившихся на рынке переводческого труда профессий и должностей подсказывают, в вузах какого профиля могла бы быть организована соответствующая специализация через программы ДО, разработанные кафедрами иностранных языков с большим или меньшим привлечением специалистов с профильных кафедр вуза. Дальнейшая конкретизация представлений о возможном содержании и объеме разрабатываемой ДПП достигается при

обращении к перечню трудовых функций (ТФ) будущего специалиста, которые для данной ОТФ выглядят следующим образом:

- Технологическое планирование переводческого проекта;
- Подготовка исходных текстов для перевода и оформление текста перевода;
- Технологическое обеспечение переводческих и локализационных проектов с применением систем управления содержимым;
- Подготовка исходных текстов для машинного или автоматизированного перевода, предперевод;
- Терминологическое сопровождение перевода;
- Техническое обеспечение устного перевода;
- Обработка памяти переводов.

Каждая из приведенных в стандарте ТФ далее конкретизируется в ТД, НУ и НЗ, что можно продемонстрировать на примере одной из вышеперечисленных ТФ. Так, ТФ «Технологическое обеспечение переводческих и локализационных проектов с применением систем управления содержимым» основывается на следующих знаниях:

- Иностранный язык;
- Теория и практика перевода;
- Основы локализации программных продуктов;
- Системы управления содержимым;
- Основы систем управления памяти переводов и автоматизации перевода;
- Графические системы иностранных и родного языков;
- Основы форматирования текстов.

Перечень умений, необходимых для выполнения данной ТФ, выглядит в профстандарте следующим образом:

- Переводить с одного языка на другой;
- Создавать новые запакованные файлы и справочные руководства;
- Записывать новые аудиофайлы;
- Создавать визуальную графику, на которую накладывается текст перевода;

- Использовать оригинальные шрифты и создавать аналогичные шрифты для алфавита, задействованного при локализации;

- Преобразовывать аппаратное обеспечение;

- Добавлять дополнительные участки для перемещения вырезанного контента;

- Тестировать внешний вид, формат и оформление текста перевода в окончательном виде в программном обеспечении, интернет-среде, системах управления содержимым.

Наконец, для осуществления данной ТФ характерны следующие ТД:

- Декомпиляция исходного материала и компиляция готового материала в локализационных проектах;

- Перенос исходного текста из сложных форматов, файлов локализации программного обеспечения, файлов текстового контента интернет-сайтов в общепринятые текстовые форматы для перевода;

- Перенос текста перевода в файлы сложных форматов, файлы локализации программного обеспечения, файлы текстового контента интернет-сайтов;

- Проверка и тестирование внешнего вида, формата и оформления текста перевода в окончательном виде;

- Обеспечение совместимости и обмена исходными текстами и текстами перевода с системами управления содержимым заказчика.

Чтобы не создавать ложного впечатления о неизбежности инженерно-технического уклона в программах ДО, которые могут быть разработаны на основе будущего профстандарта, и дать более полное представление о широте спектра и междисциплинарности связанных с переводом занятий и профессий, востребованных на современном рынке труда, обратимся к хорошо, казалось бы, известной и, в определенном смысле, ставшей даже классической ОТФ «Профессионально-ориентированный перевод», объединяющей следующие ТФ:

- Устный последовательный перевод;

- Синхронный перевод;

- Письменный перевод с использованием специализированных инструментальных средств;

- Художественный перевод;
- Предоставление консультаций по межкультурному общению;
- Аудиовизуальный перевод;
- Локализация аудиовизуальных произведений;
- Аудиовизуальный перевод для аудиторий с особыми когнитивными потребностями.

Понятно, что такие виды перевода, как последовательный, синхронный или художественный, были и останутся прерогативой, главным образом, основных и дополнительных образовательных программ факультетов лингвистического профиля, чего нельзя сказать о письменном переводе с использованием специализированных инструментальных средств, аудиовизуальном переводе или консультациях по межкультурному общению. Последнее с полным правом рассматривается в стандарте в неразрывной связи с переводческой деятельностью (в современном переводе стало уже общим местом положение о том, что перевод осуществляется не просто с языка на язык, а из культуры в культуру) и оказывается в значительной степени обусловленным той конкретной профессионально-предметной сферой, в которой такое общение осуществляется. Что касается профессионального письменного перевода, то в наше время он невозможен без использования специализированных инструментальных средств и, соответственно, предполагает умение применять электронные базы данных памяти переводов, средства автоматизированного и машинного перевода, средства диктовки и распознавания речи, локализации программного обеспечения, создания визуальной графики, на которую накладывается текст перевода, и пр. Надо признать, что на лингвистических факультетах если и учат, например, постредактированию текста машинного перевода, или текста перевода, полученного с использованием средств диктовки и распознавания речи, или подстановок текста перевода из баз данных памяти переводов и т.д., то происходит это далеко не везде и в явно недостаточном объеме, так что ДПП в этой области, как говорится, обречены на успех. Аудиовизуальный перевод, в свою очередь, кроме знания иностранного и родного языков на профессиональном уровне предполагает также знание

основ киноведения, сценарного искусства и переводческого анализа для закадрового озвучивания, знание основных принципов субтитрирования и работы с текстом для дублирования, а также целый ряд других знаний и умений, необходимых для создания текста субтитров на родном языке, перевода аудиовизуального материала на родной и иностранный язык с учетом адаптации текста под субтитры либо для дублирования, редактирования текста субтитров на языке перевода, создания (укладки) текста для дублирования на языке перевода и т.д.

Столь же широкое поле возможностей для создания интересных и востребованных ДПП в области перевода открывается и при внимательном изучении содержания других ОТФ и составляющих их ТФ. Выявление и ликвидация неизбежных для такой динамично развивающейся сегодня сферы деятельности, как перевод, «компетентностных зазоров» между профессиональным и образовательными стандартами по переводу превращает программы ДО в эффективный инструмент тонкой настройки системы подготовки переводческих кадров в стране под быстро меняющиеся требования рынка труда. Вступивший в силу в 2013 г. Федеральный закон N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" максимально облегчает выполнение этой задачи внесением в сферу дополнительного профессионального образования ряда принципиальных изменений, направленных на расширение прав и возможностей образовательных организаций: отменена государственная аккредитация образовательной деятельности по ДПП и федеральные государственные требования к ним, а также документы единого государственного образца, выдаваемые по результатам их успешного освоения; образовательным учреждениям предоставлено право самостоятельно разрабатывать ДПП со всем пакетом необходимых документов, а типовые и примерные ДПП предлагаются лишь в отдельных, специально перечисленных в законе областях образовательной деятельности, особенно важных для безопасности государства и его граждан. Безусловно, такой подход стимулирует творческую инициативу по созданию программ ДО на всех уровнях образовательного процесса, и остаться в стороне, не

воспользовавшись открывающимися возможностями, не могут позволить себе ни ведущие подготовку переводческих кадров лингвистические университеты и факультеты, ни кафедры иностранных языков вузов нелингвистического профиля.

Литература

1. Блинов В.И., Волошина И.А., Есенина Е.Ю., Лейбович А.Н., Новиков П.Н. Словарь-справочник современного российского профессионального образования. Выпуск 1. – М.: ФИРО, 2010.
2. Полубиченко Л.В. Формирование профессиональных переводческих компетенций на программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: возможности и ограничения // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2019. – №1. – С.84 – 97.
3. Пояснительная записка к проекту профессионального стандарта «Специалист в области перевода и локализации» [Электронный ресурс]. URL: http://tconference.ru/wp-content/uploads/2018/09/PZ-Spets-v-oblasti-perevoda-i-lokalizatsii-v-pechat_31.07.18-vers01.pdf (дата обращения: 10.05.2019).
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 г. N 499 г. Москва. "Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам" [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/08/28/minobr-dok.html> (дата обращения: 10.05.2019).
5. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода и локализации» [Электронный ресурс]. URL: http://ifiyak.sfu-kras.ru/sites/default/files/content/FOR%20NEWS2/2018.06.15_PS_Spetsialist%20v%20oblasti%20perevoda%20i%20lokalizatsii_1.pdf (дата обращения: 10.05.2019).
6. Реестр профессиональных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/nationalnews/77585/> (дата обращения: 10.05.2019).

Фактор адресата в диахронии поэтического перевода

Recipient factor in poetic translation diachrony

Аннотация: Статья анализирует роль фактора адресата в трансхронической межъязыковой и межкультурной поэтической коммуникации. Анализируются языковые и культурные аспекты поэтической коммуникации: реалии, историзмы, архаизмы, аллюзии почти 200-летнего многократно переведенного "Евгения Онегина" А.С. Пушкина. В исследовании использованы дескриптивный, контекстуальный, сравнительный и дискурсивный анализ. Выявлена синергичность фактора адресата, показана недостаточность редукционного лингвистического переводоведения, прогнозируется переход к методологии холизма в области перевода.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the peculiarities of TRANS chronic, interlingual and intercultural poetic communication in connection with the factor of the addressee. Linguistic and cultural aspects of poetic communication are analyzed: realities, historicism, archaism, phraseological units, allusions of the novel in Pushkin's poem "Eugene Onegin", written almost 200 years ago and repeatedly translated at different times (1840-2008). The study used descriptive, contextual, comparative and discursive analysis. The synergetic character of the addressee factor is revealed, the insufficiency of the reduction linguistic paradigm of translation studies is shown, the transition to the methodology of holism in the field of translation theory is predicted.

Ключевые слова: перевод, поэтическая коммуникация, прагматическая адаптация, редукционизм, реципиент, холизм.

Key words: translation, poetic communication, pragmatic adaptation, reductionism, recipient, holism.

1. Актуальность выявления статуса адресата в межъязыковой коммуникации

В современных переводе и переводоведении наметился постепенный переход на новый этап, который, по-видимому, является результатом развития антропоцентрической парадигмы в языкознании в целом. Успехи прагмалингвистики в области типологизации речевых стратегий и тактик, прогнозировании коммуникативных эффектов и предотвращения коммуникативных неудач постепенно начинают находить свое отражение в теории и практике перевода. Подтверждение этому мы видим в развитии теориях полей перевода, индивидуализации перевода и переводной множественности, попытках "узаконивания" прагматических адаптаций в переводе.

Обращение к вопросу о статусе адресата в межъязыковой и межкультурной коммуникации и необходимости его прогностических оценок для успешного общения мы считаем необходимым звеном в цепи задач, направленных на эволюционирующее взаимодействие переводоведения и прагмалингвистики. Актуальность этой задачи определена двумя равноценными причинами: ее нерешенностью в современном языкознании и необходимостью ее исследования с различных позиций.

Отправной точкой исследования значимости фактора адресата в двуязычии может служить обобщение опыта предшествующих близких по тематике и объекту исследований в одноязычии [Белозерова, 2010; Стернин, 2004]. Эти исследования могут составить теоретические посылки к транспонированию их результатов в область переводческой науки. Полезными оказываются также исследования, предпринятые в области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, где представлен анализ различных переводческих трансформаций, их причин и следствий для процесса коммуникации [Лысенкова, Чайковский, 2012; Максименко, 2014; Нелюбин, Хухуни, 2006; Сидоров, 2009; Хухуни, Осипова, 2012]. Такие работы могут представлять интерес как практическая верификация "адресатологии" в условиях двуязычия. Совокупность теоретических посылок и практических опытов, на наш взгляд, не может быть оценена лишь как косвенные подтверждения значимости и ценности исследуемой проблемы.

В настоящей статье первоочередное внимание направлено на диахронический аспект перевода, где объектом анализа служит фактор адресата.

Целесообразно обращение к эмпирическому материалу. Фактологическую базу работы составили переводы "Евгения Онегина" А.С. Пушкина [Пушкин, 1986] на немецкий и английский языки, выполненные в разное время разными переводчиками: Ф. Боденштедтом в 1840-50-х гг., Г. Спальдингом в 1881 г., К.Ф. Уолли 1904 г., Б. Дойч 1936 г. и в 1965 г., Д.П. Радин и Дж. Патриком в 1937 г., О. Элтона 1938 г., У. Арндтом 1963 г., В. Набоковым в 1964 г., Ю.М. Кейденом в

1964 г., Ч. Хепберн-Джонстоном в 1977 г., Дж.Э. Фаленом 1990 г., Д.Р. Хофстадтер 1999 г., Р.-Д. Кайлем в 1999 г., С. Митчеллом в 2008 г. и др.

Необходимо отметить, что и современного русскоязычного читателя от автора отделяет значительный временной отрезок: почти 200 лет.

2. Языковые и культурные аспекты поэтической коммуникации в диахронии

При избранном ракурсе исследования наиболее значимыми становятся следующие проблемы, осложняющие "освоение" читателями авторского текста:

- динамика языка, формирующая активный лексикон;
- интертекстуальность произведения, изобилующего аллюзиями на современный автору окружающий мир (реальный и литературно-художественный) и на более ранние исторические периоды (также фактические и поэтические).

Немаловажно для полноценного рассмотрения проблемы обратить внимание на то, что А.С. Пушкин дает комментарии разъясняющего характера к своему произведению для адекватного восприятия романа его современниками. Например, строки аллюзии на идиллию Гнедича...*когда прозрачно и светло ночное небо над Невою* [Пушкин, 1986: 203] сопровождаются комментарием и воспроизведением значительного по объему фрагмента этого произведения.

Литературные аллюзии (в том числе самоаллюзии) в романе, как уже было отмечено выше, многочисленны; несомненно, это обогащение текста способно спровоцировать диссонанс в условиях протяженного временного континуума. Значимость многих современных А.С. Пушкину авторов, популярных тогда, со временем померкла (А.А. Шаховской, В.А. Озеров, Я.Б. Княжнин), знакомство с их произведениями современных читателей - скорее, редкость. Трудно ожидать, что нынешние читатели имеют достаточную степень когнитивного владения современным А.С. Пушкину литературным материалом для самостоятельной свободной интерпретации интертекста, недостаточная дискурсивная компетентность

предопределяет ошибки в ходе выполнения операций по декодированию смысла читателем:

- опознание фрагмента,
- соотнесение цитирующего текста (т.е. текста А.С. Пушкина) с первоисточником (фрагментом текста М.В. Ломоносова, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, Дж.Г. Байрона, Ф.Р. Шатобриана и др.),
- понимание прагматической задачи автора (восприятие подтекста),
- реализация перлокутивного акта, выражаемая как равенство коммуникативной реакции, заданной автором (обычно расцениваемое как мерило успешности перевода) или как отклонение от нее.

При отсутствии дополнительного комментирования неизбежны затруднения в первой или во второй операции (т.е. распознавании интертекста и сравнении с предшествующим литературным опытом), и детерминированный этим диссонанс может быть настолько глубок, что приведет к непониманию, т.е. коммуникативной неудаче.

*с душою, полной сожалений,
и опершися на гранит,
стоял задумчиво Евгений
как описал себя пиит [Пушкин, 1986: 203].*

В этом фрагменте ничто не указывает на конкретного автора и произведение, в связи с чем у реципиента может возникнуть ложное представление о том, что автор подразумевает некий обобщенный обезличенный образ пиита, а не реально жившего поэта, своего современника М.Н. Муравьева. Такую коммуникативную неудачу мы идентифицируем как скрытый диссонанс, неявное искажение первоначальной прагматики ИТ.

*Я слышал: дам хотяб заставить
читать по-русски. Право, страх!
Могут ли их себе представить
с "Благонамеренным" в руках [Там же: 234].*

Здесь диссонанс очевиден. Узнавание в объекте аллюзии печатного издания, журнала, не вызывает сомнений. Однако

современный читатель должен быть крайне удивлен тому импульсивному и близкому к паническому страху, который испытывает автор перед обращением дам к периодике (т.к. в современном обществе существует целая сеть гендерно ориентированных "женских" журналов; справедливости ради следует заметить, что общественного резонанса в эпоху гендерной политкорректности и унисекса не вызывают и дамы, читающие "Forbes", "Men's Health", "Драйв" и другие "неженские" журналы). Для адекватного восприятия этого фрагмента требуется владение фоновой информацией.

Однако, аллюзивностью проблемы транскронического понимания авторского текста не исчерпываются. Динамика языка (особенно, его лексико-фразеологического уровня) является самостоятельной проблемой, способной вызвать различного рода потери понимания (вплоть до полного семантического искажения).

Понимание судьбы графини Лариной, которая после некоторого времени замужества *вела расходы, брила лбы* [Там же, с. 220], может быть осложнено из-за использования в тексте архаичного фразеологизма. Стремление графини к овладению парикмахерским искусством как форме досуга вызвало бы закономерное удивление у современной молодежи. Неготовность усмотреть в выражении *брить лбы* фразеологизированный историзм влечет тотальное искажение ИТ.

До некоторой степени здесь сказывается и социокультурологическая нетождественность русскоязычных читателей: современных А.С. Пушкину и нынешних. Перевороты, войны, влияние тоталитарного режима, отказ от христианского мировоззрения, изменение системы образования, утрата национально-культурных традиций, затем попытки их почти насильственной реставрации в массовом сознании и т.д. - все эти и положительные и отрицательные процессы приводят к смещению общего фонового знания читателей начала XXI века относительно современных роману координат. Адресаты, наследующие культуру, могут испытывать некоторые затруднения в идентификации реалий: *подблюдны песни, в день Троицын <...> умильно на пучок зари они роняли слезки три* [Там же: 221], в толковании фразеологизмов: *езжала по работам ≠*

выполняла работу, состояла на службе, *муж давил ≠ был инсектофобом*, в некоторых объективированных в тексте общественных традициях: *Явились вместе, и никто не вздумал им пенять на то* [Там же: 246].

3. Необходимость холистической методологии в переводе

Очевидно, выявленные особенности и сложности в одноязычной диахронической коммуникации приобретают лавинообразный синергийный (самоорганизуемый) характер при переходе к двуязычной коммуникации, обремененной не только языковыми, но и культурными различиями. Небезосновательно в связи с этим прогнозировать многочисленные осложнения коммуникации при знакомстве современных иноязычных и инокультурных читателей с текстом романа.

Это служит достаточным основанием для предъявления особых требований к языковым посредникам, транслирующим русскую классику для современных зарубежных читателей. С их стороны необходимы осознанные значительные усилия компенсации языковых и культурных различий, учет мировоззренческой позиции, геополитической компетентности (про-российских и антироссийских настроений), религиозной принадлежности (атеистической модели, приверженности христианской, мусульманской, буддисткой и т.д. традиции, веротерпимости или ксенофобии), возраста и иных характеристик предполагаемых получателей ПТ. Конечно, призывать к прагматической адаптации до искажения авторского текста (как это имело место в экранизации "Ромео и Джульетты" В. Шекспира в 1996 г.), нелепо [Максименко, 2016]. Однако настаивать на обилии комментариев необходимо, поскольку это, по-видимому, единственный рационально возможный способ решения этой сложной коммуникативной задачи.

Например, сочетание языческих и христианских традиций, не вызывающее лишних вопросов у носителей русскоязычной культуры, может быть неверно истолковано как возвращение от христианства к архаичным формам религии при обращении к следующим фрагментам, указывающим на дохристианскую славянскую культуру (спорадически сохранившимся после принятия православия): подробное описание крещенских

гаданий (которому вкупе с описанием сна Татьяны и попытками его толкования посвящено 20 стихов романа) или обрядовый плач, предшествующий венчанию: *мне с плачем косу расплели да с пеньем в церковь повели* [Пушкин, 1986: 231].

Невозможно также не принимать во внимание, что наибольшую степень сложности в области перевода представляет собой именно поэтическая коммуникация, где требования метра и рифмы также в немалой степени детерминируют множественные искажения авторского ИТ при его межъязыковой трансляции, многократно отмеченные в отечественной критике перевода [Чайковский, 1997].

Поэтический знак, обладающий синкретичной природой, в условиях транскронической, межъязыковой и межкультурной передачи создает особое семантическое пространство авторской картины мира, проникнуть в которую реципиенту оказывается тем сложнее, чем больший временной и культурный разрыв отделяет его от автора. Объективным и закономерным следствием этих особенностей поэтической межъязыковой коммуникации является расхождение концептуального и тематического содержания знания реципиента и автора.

Отмеченные факторы взаимодействуют в сложноорганизованной системе, которую невозможно полноценно познать и описать в рамках редукционной парадигмы лингвистического переводоведения. Здесь необходимы интегративные методологические принципы: важно обратиться с опыту смежных гуманитарных наук, использующих в качестве методологического ядра холизм, получивший некоторое признание в лингвистической сфере, главным образом, в общем и частном языкознании [Максименко, 2013; Пономаренко, 2015], но также и проникающим в область теории перевода [Кушнина, 2011; Филиппова, 2013, 2014].

4. Заключение

Завершая представленный анализ диахронии перевода в аспекте проблем, связанных с адресатом поэтической коммуникации, можно резюмировать некоторые выявленные совокупные особенности (эмпирического характера):

1. основной языковой проблемой является динамика языка, особенно его лексико-фразеологической составляющей,

предопределяющей различное понимание ИТ адресатами-современниками произведения и адресатами-наследниками в отношении исторически маркированной лексики (реалий, историзмов, архаизмов), фразеологизмов, интертекстуальной информации;

2. вторичной (в диахроническом аспекте, но константной) проблемой выступает расхождение систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ и передача идиостиля произведения в межъязыковом пространстве;
3. культурологические трудности временной трансляции составляют социокультурные смещения, находящие отражение в изменчивости массового сознания носителей ИЯ и нетождественности общего культурного фона носителей ПЯ и принимающей культуры.

Обобщение полученного эмпирического материала приводит к выводу о закономерности переводной множественности в области трансхронической передачи культурного наследия на иностранные языки и трансцендентальности поиска адекватных средств межкультурной передачи поэтических произведений. Синергичный характер фактора адресата в диахронии перевода детерминирует гипотезу о дальнейшем использовании прагматических адаптаций для оптимизации межъязыковой, межкультурной и межвременной передачи поэтического текста с учетом прогноза (когнитивной компетентности, национальной, возрастной и социальной принадлежности) реципиентов ПТ. Вопрос об онтологической необходимости прагматической адаптации и о границах ее аппроксимирующего значения предстоит верифицировать в дальнейших исследованиях, на междисциплинарной основе объединяющих прагмалингвистику, когнитивную лингвистику, переводоведение, функциональную стилистику, лингвокогнитологию перевода. Вскрытая антиномия прагматической адаптации перевода и переводческого редукционизма в рамках лингвистической парадигмы переводоведения не может получить однозначного разрешения без обращения к методологии холизма.

Литература

1. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. – 252 с.
2. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 81–86.
3. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2 (18). – С. 147–156.
4. Максименко О.И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 111-116
5. Максименко О.И. Мультикультурная среда: сложности понимания // Язык и культура в современном мире. – 2014. – С. 131-135.
6. Максименко О.И. Формализованная лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 190 с.
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). – М., 2006. – 416 с.
8. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики. – М.: Изд-во МГИМО(У) МИД РФ, 2015. – 316 с.
9. Пушкин А.С. Сочинения: в 3-х т. Т. 2: Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – М.: Худож.лит., 1986. – 527 с.
10. Сидоров Е.В. Опережающее понимание в межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2009. – № 4. – С. 190–195.
11. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник Воронежского государственного университета.

- Сер.: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 171-178.
12. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычии и двуязычии: вопросы теории, практики, методологии, лингводидактики. – М., 2014.
 13. Филиппова И.Н. Редукционизм и холизм в теории и практике перевода // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 755
 14. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Обновление переводов Священного Писания: причины и следствия // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – № 4. – С. 51–54.
 15. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). – Магадан, 1997. – 197 с.

Хухуни Георгий Теймуразович
Georgi Khukhuni
Осипова Анна Александровна
Anna Osipova

Nomen est omen: о названиях некоторых версий Священного Писания

Nomen est omen: about the titles of some Bible versions

Аннотация: Рассматривая современные версии Библии на тех или иных языках, можно отметить наличие двух тенденций при квалификации их отношения к традиционным переводам, что отражается в соответствующих заглавиях: 1) подчеркивание их отличия от классических (Библия... Современный русский перевод; Библия... В современном русском переводе) и 2) указание на преемственную связь с последними (New King James Version, Lutherbibel 2017...), что не исключает наличия языковых и лингвокультурных инноваций.

Abstract: The analysis of the modern Bible versions in different languages and their relation to traditional translations allows to postulate two main tendencies, reflected in their titles: 1) the underlying of their contrast to the latter ones (Bible... Modern Russian Translation: Bible... In Modern Russian Translation), and 2) the indication of the connection with them (New King

James Version, Lutherbibel 2017...), although it doesn't exclude the linguistic and linguocultural innovations.

Ключевые слова: Библия, название, версия, современный, перевод, английский, русский.

Key words: Bible, title, version, modern, translation, English, Russian.

Рассказ этот, конечно, выглядит весьма анекдотичным – тем более, что Соединенные Штаты Америки имели (во всяком случае, до самого недавнего времени) репутацию страны, в которой чуть ли не каждый «подлинный американец» «читает свою Библию» и где особенно укоренился протестантский фундаментализм, требующий буквального понимания всего написанного в Священном Писании. Еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий автор известной концепции столкновения цивилизаций С. Хаттингтон писал: «<...> жители бедных стран набожны по определению, жители стран богатых значительно менее религиозны. Америка в этом смысле — блестящее исключение из правила. <...> американцы религиозны более, чем даже ирландцы и поляки, у которых религия являлась стержнем национальной идентичности, способствуя отграничению от британских, германских и русских антагонистов» [Хаттингтон, Электронный ресурс].

Однако думается, что парадокс в данном случае только кажущийся – поскольку Библия в течение нескольких веков была основой и стержнем общественной жизни, постольку она и воспринималась не искушенными в историко-филологических тонкостях людьми как нечто, данное свыше избранному народу на его языке – тем более, что другого в богослужении англоязычные протестанты не используют. Правда, кажется несколько странным тот факт, что аудиторию, о которой идет речь в приведенном фрагменте, не смутило, что и на этом языке Слово Божие в разных церквях может звучать по-разному, учитывая, что число англоязычных версий Священного Писания к настоящему времени насчитывает несколько сотен, – хотя от студентов, избравших для своих занятий подобный семинар, такого знания, наверное, можно было бы ожидать. Остается только предположить, что в данном случае в буквальном смысле слова имела место ситуация, которую автор приведенной ниже цитаты – а им был Г. Честертон – понимал все-таки в смысле

переносном: “ When will people understand that it is useless for a man to read his Bible unless he also reads everybody else's Bible?” [Chesterton, Электронный ресурс].

Впрочем, и этому факту, вероятно, можно найти некоторое объяснение. Исследователями неоднократно отмечалось наличие в современной западной культуре, с одной стороны, процесса усиления секуляризации (что порой характеризуется как ее «дехристианизация»), который, естественно, наиболее сильно дает о себе знать, что вполне понятно, прежде всего, у представителей молодого поколения. а с другой – увеличение числа переводов Библии на разные языки, что особенно наглядно демонстрируют упомянутые многочисленные англоязычные версии Священного Писания (хотя и не только они), появившиеся в последние десятилетия. В России, по понятным причинам, в течение почти всего XX в. процесс создания новых переводов Библии практически отсутствовал (справедливости ради, надо признать, что и сама целесообразность создания русской (не церковнославянской) версии Священного Писания вызывал большие сомнения вплоть до второй половины позапрошлого столетия), однако в последние десятилетия он получил значительное распространение. Как заметил современный библеист А.С. Десницкий: «Переводов много – русских Библий восемь (речь идет о полных переводах, включающих Ветхий и Новый Заветы – А. О., Г.Х.) И будут выходить наверняка еще» [Десницкий², Электронный ресурс].

Если оставить в стороне случаи, когда передача Священного Писания на тот или иной язык осуществлялась впервые (применительно к идиомам, входящим в ареалы христианской культуры, в настоящее время такая деятельность может, вероятно, квалифицироваться как периферийная), естественно, возникает вопрос о причинах появления подобного рода повторных переводов. Не претендуя на полный их охват, попытаемся остановиться на некоторых, на наш взгляд, наиболее очевидных.

1. Устарелость языка традиционного текста, что имеет место в тех случаях, когда произошло существенное изменение литературной нормы с момента появления последнего. На эту причину, кстати, ссылались при обосновании целесообразности

создания собственно русской версии Священного Писания в первой четверти XIX в. (хотя, как известно, по ряду причин реализовано это намерение было только шесть десятилетий спустя): «<...> между тѣмъ какъ языкъ въ книгахъ неизмѣнно храниться можетъ многіе вѣки, языкъ въ устахъ народа въ одномъ вѣкѣ измѣняется много; и написанное за нѣсколько столѣтій на нашемъ отечественномъ языкѣ нынѣ намъ уже мало понятно, безъ особеннаго изученія сего языка въ древнемъ его состояніи. Изъ сего открывается, для безпрепятственнаго употребленія и распространенія Слова Божія, необходимость не только переводить Священное Писаніе на отечественный языкъ, но и на семь самомъ языкѣ отъ времени до времени возобновлять переводъ, сообразно съ состояніемъ сего языка въ его народномъ употребленіи» [Опыт, Электронный ресурс] (вопроса о том, насколько лингвистически правильно считать церковнославянский текст «написанным на нашем отечественном языке», мы в данной статье не касаемся). Впрочем, замечания об устарелости языка того перевода, который в конце концов вышел в 70-е гг. позапрошлого века, высказываются уже более ста лет. Аналогичные доводы приводились и при обосновании создания новых переводов Библии на других языках, в частности, на английском. Приведем одно из наиболее типичных рассуждений на данную тему, с примерами, иллюстрирующими присущие классической английской версии Священного Писания – Библии короля Иакова архаичные черты: “The KJV uses many archaic words: words such as jangling, subtil, privily, and holpen, etc. And it uses archaic expressions and phrases that are unfamiliar to modern readers. For instance, how many people readily understand “Charity vaunteth not itself”? Earlier editions of the KJV also used spelling that is outdated, which can be confusing for some readers (e.g., sunne for “sun”)” [7 Things, Электронный ресурс].

2. Стремление иметь перевод, выполненный в рамках своей конфессии, который можно было бы противопоставить «инославным» версиям. В этом смысле представляется показательной история создания католических версий Священного Писания в Англии – начиная от относящейся к эпохе Реформации/Контрреформации Дуэйско-Реймской Библии

(1582 – 1610), созданной эмигрантами-католиками во Франции, и вплоть до выполненных уже в XX столетии «Иерусалимских Библий» (The Douay-Rheims Bible 1582 – 1610, The Jerusalem Bible 1966 г., The New Jerusalem Bible 1985 г.), кстати, достаточно высоко оцененных и в православной среде. Так митрополит Иларион отнес последнюю (наряду с французским прототипом Bible de Jerusalem) к числу «переводов, сочетающих точность с литературными достоинствами» [Митрополит Иларион², Электронный ресурс], а в упомянутой выше лекции А.С. Десницкого читаем: «Католическая английская Библия – это лучшее, что есть в глобальном масштабе» [Десницкий², Электронный ресурс].

3. Ориентация на миссионерские нужды¹, которая особенно присуща переводам, в той или иной степени связанным с различными библейскими обществами, позиционирующими себя обычно как вне-/ надконфессиональные. К числу наиболее известных, хотя и вызвавших неоднозначную реакцию, проектов такого рода принадлежит выполненная на основе теории динамической эквивалентности Ю. Найды, относится Good News Bible (Good News Translation) и созданные по ее модели версии на других языках. Особого упоминания в этой связи заслуживает так называемый «Центральноазиатский», или «Восточный» перевод Священного Писания, выполненный в трех несколько

1

Заслуживает внимания замечание митрополита Илариона о некотором различии в трактовке данного понятия в зарубежной и отечественной традиции: «Понятие 'миссионерский перевод Библии' обычно встречается в западной литературе применительно к переводам Писания для народов развивающихся стран. В России ситуация другая. Существенная часть аудитории, к которой Церковь обращается с миссией — с 'внутренней миссией' — это образованные слои общества, люди, воспитанные на лучших образцах русской переводной литературы. Здесь не может быть и речи о каком-то упрощении и упоении библейского текста» [Митрополит Иларион². Электронный ресурс].

отличающихся вариантах на русском языке для народов бывшего СССР, исповедующих ислам.

Однако в любом случае, когда речь идет о культурах, обладающих тем, что обычно именуют «национальными Библиями» (т.е. версиями, которые, даже не всегда будучи «канонизированы» в собственном смысле слова, т.е. признаны не подлежащими изменениям и абсолютно идентичными оригиналу, тем не менее, рассматриваются как наиболее авторитетные и образцовые), при появлении каждого нового перевода ощущается необходимость маркировать их посредством официальных либо неофициальных названий (причем, последние отнюдь не обязательно имеются к самому моменту выхода соответствующего текста в свет). Традиция эта достаточно давняя – достаточно вспомнить греческую версию Ветхого Завета, известную (по легенде о количестве создававших ее переводчиков) как Септуагинта, латинскую Вульгату и т.п.

Если говорить о классических Библиях, то здесь можно отметить несколько случаев (естественно, приводимый перечень отнюдь не является исчерпывающим).

Во-первых, в качестве уточняющей характеристики может использоваться топонимическое обозначение. Так, распространенная в Швейцарии немецкая версия Священного Писания, создававшаяся в эпоху Реформации, получила известность как Цюрихская Библия; аналогично обстоит дело и с упомянутой выше Дуэйско-Реймской Библией. Что касается англоязычных Иерусалимских Библий, принадлежащих уже к XX столетию, то здесь ситуация выглядит несколько сложнее: поскольку им предшествовали издания соответствующей французской Библии под руководством Иерусалимской библейской школы, то это название воспроизводится и в созданных по ее образцу переводах на другие языки.

Во-вторых, в тех случаях, когда доминирующую роль в создании библейского текста играла та или иная конкретная личность (хотя обычно и имевшая помощников и соавторов), то именно ее имя и оказывалось связанным с соответствующим переводом. Наиболее наглядный пример – Библия Лютера (Lutherbibel).

В-третьих, наименование могло отражать, если можно так выразиться, «административный аспект» создания перевода, то есть то имеющее авторитет лицо или орган, по почину и/или с санкции которых осуществлялось создание перевода. Так обстоит дело с King James Version, церковнославянской Елизаветинской Библией и Синодальным переводом.

Что касается тех версий Священного Писания, которые можно с некоторой долей условности объединить под именем «новых» (хотя новизна в данном случае может рассматриваться, скорее, как относительное понятие, охватывая промежуток от нескольких лет до нескольких десятилетий), то здесь, в первую очередь, предстоит объяснить аудитории, уже располагающей «классическим» (а иногда – как в случае с англоязычной Библией – и достаточно большим количеством «неклассических») переводом Библии, причины их появлений. Как правило, такого рода информация бывает представлена в предисловиях к этим последним. Но поскольку первое, с чем приходится сталкиваться потребителю, знакомящемуся с любой книгой, – это ее название, то здесь можно говорить о весьма четко проявляющемся принципе, вынесенном нами в заглавие настоящей статьи – *pomen est omen*.

Обращаясь в этой связи к анализу некоторых переводов Библии, созданных в конце прошлого – начале нынешнего столетий, можно – с некоторой долей условности – говорить о наличии в их заглавиях двух возможных тенденций.

С одной стороны, названия сознательно контрастируют с традиционными, подчеркивая свое отличие от них. И одним из наиболее распространенных средств выражения такого контраста, вероятно, является использование характеристики «новый» / «современный», предполагающее по умолчанию противопоставление «устаревшим» классическим переводам. Характерным примером такого рода можно считать разработанную представителями различных направлений протестантизма в США New International Version, впервые вышедшую в 1978 г. и впоследствии неоднократно перерабатывавшуюся. Поскольку отчасти нам уже доводилось касаться истории создания данной версии и ее особенностей [Хухуни, Осипова, 2018], отметим здесь только, что в одной из

упомянутых ревизий (Новый Завет был издан в 2002 г., полный текст Библии – в 2005 г.), она была названа Today's New International Version, т.е. включала в себя и компонент «новизны», и компонент «современности», что в сущности, могло восприниматься как своего рода плеоназм. Возможно, данное обстоятельство отчасти сыграло свою роль в том, что при последующей переработке 2011 г. первая составляющая (New) была устранена, т.е. произошло возвращение к исходному наименованию.

Однако в некоторых случаях вносимое в заглавие понятие «современный» оказывается не вполне достаточным – особенно, когда практически одновременно выходят разные версии, включающие в себя упомянутую лексему. Так, в нынешнем десятилетии на русском языке, с одной стороны, двумя изданиями (в 2011 и 2015 гг.) вышла «Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод», выпущенная Российским библейским обществом, а с другой – «Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В современном русском переводе» (2015 г.), позиционируемая как совместное издание Института перевода Библии при адвентистской Заокской духовной академии и Библейско-богословского института св. апостола Андрея. Как представляется, такого рода близость заглавий может привести к некоторой путанице (особенно если речь идет о неспециалисте). Поэтому первую обычно именуют Библией РБО, а вторую один из активных участников ее создания А.С. Десницкий (посетовавший, кстати, в отклике на ее появление, что «библейские переводчики скупаются на оригинальные названия» [Десницкий², Электронный ресурс]) предложил назвать Заокской. Отметим, что в предисловии к последней фигурирует название «Заокский перевод» с авторскими кавычками.

Вторая тенденция проявляется, главным образом, при реализации проектов, представляющих собой так называемое «поновление» классических версий. В этом случае, естественно, наблюдается стремление тех, кто его осуществляет, подчеркнуть, что речь идет именно о редактировании классических версий, но отнюдь не противопоставлении и разрыве с ними. Авторами настоящей статьи рассматривались некоторые связанные с ними

моменты в [Хухуни, Осипова, 2017]. Поэтому ограничимся указанием на то, что указанное обстоятельство обычно отражается и в заглавиях соответствующих переводов, наряду с «маркерами новизны» содержащих единицы, указывающие на связь с предшествующими версиями (New King James Version, Lutherbibel 2017, Zürcher Bibel 2007...). Однако вопрос о том, до какой степени можно говорить о сохранении подобной связи является спорным, что и вызывало вокруг подобных проектов достаточно острую дискуссию – вплоть до обвинения в фальсификации. Как нам уже приходилось неоднократно отмечать (в том числе и в упомянутых выше работах), в данном случае встает не всегда имеющий однозначное решение вопрос о том, где та граница, при переходе которой возникает известный парадокс корабля Тесея, в котором, по преданию, жители Афин заменяли сгнившие доски новыми до тех пор, пока ни одной старой доски в нем не сохранилось.

Особо следует отметить своеобразную ситуацию в русской культуре, где «классическими» приходится в известном смысле слова признавать и церковнославянскую Елизаветинскую Библию, и русский (хотя насколько современный русский – вопрос спорный) Синодальный перевод. Критика по адресу последнего – в том числе, и со стороны представителей академической библеистики (здесь обычно вспоминают, в первую очередь, одного из виднейших специалистов в этой области И.Е. Евсеева) – стала звучать уже в первые десятилетия после его появления. Поднимался вопрос о «поновлении» Синодального перевода и на состоявшейся в 2013 г. VII Международной конференции РПЦ «Современная библеистика и предание церкви». В определенной степени эта идея нашла отклик и в кругах представителей последней. Так Митрополит Волоколамский Иларион в своем докладе «Переводы Библии: история и современность» отмечал: «Дальнейшие шаги по поновлению русской Библии необходимы и неизбежны», оговаривая, правда, при этом: «Но они должны лежать в русле Синодального перевода и следовать его базовым принципам. Эти шаги не должны разрывать преемственность нашей библейской традиции» [Митрополит Иларион2, Электронный ресурс]. Аналогичная мысль была высказана им и в 2016 г. на научно-

практической конференции, посвященной 140-летию создания Синодального перевода Библии на русский язык в докладе «История и значение Синодального перевода Библии»: «Мне думается, что замахиваться на полный новый перевод Библии сегодня не следует. Но можно было бы подготовить отредактированное издание Синодального перевода, в котором наиболее очевидные неточности <...> были бы исправлены» [Митрополит Иларион.1, Электронный ресурс]. Если указанная идея будет проведена в жизнь, то может возникнуть вопрос о наименовании такого рода «поновленной» редакции. Однако осуществление указанной идеи связано с достаточно большими сложностями – в том числе, учитывая место и значение существующего текста в отечественной культуре. Характерно высказанное в этой связи мнение М.Г. Селезнева, руководившего работой над переводом книг Ветхого Завета для упомянутого выше Современного русского перевода РБО: «Редактировать Синодальную Библию — все равно, что редактировать Пушкина» [Сеньчукова, Электронный ресурс].

Литература

1. Десницкий А.С.¹ О переводе Библии Института М.П. Кулакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosadvent.ru/society/item/1084-bibliy> (дата обращения 13.01.2019).
2. Десницкий А.С.² Типичные ошибки толкователей и погрешности в восприятии библейского текста. [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/desnickiy-andrey-sergeevich/book/216966-tipichnye-oshibki-tolkovateley-i-pogreshnosti-vo-spriyatya-bibleyskogo-teksta/> (дата обращения 22.01.2019).
3. Митрополит Иларион¹. История и значение Синодального перевода Библии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/97562.html> (дата обращения 18.01.2019).
4. Митрополит Иларион². Переводы Библии: история и современность. [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/> (дата обращения 20.01.2019).

5. Опыт переложения на русский язык Священных книг Нового Завета Российского библейского общества. Возглашение к христоролюбивым читателям, напечатанное при первом издании Евангелия на русском наречии. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=newt.rbo.rb02> (дата обращения 26.01.2019).
6. Сеньчукова М. Приключения Библии в России: быть ли новому переводу? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/priklyucheniya-biblii-v-rossii-byt-li-novomu-perevodu/>. (дата обращения 23.01.2019).
7. Хаттингтон С. Кто мы? [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-who_are_we_ru-a.htm#_Тoc182668897. (дата обращения 25.01.2019).
8. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Новые версии национальных Библий: между модернизацией и традиционным текстом. // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2017. – Т. 8. №1. – С. 158 – 165.
9. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Современный перевод Священного Писания: выбор стратегии. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №1. – С. 50 – 55.
10. Chesterton G.K. The Sign of the Broken Sword. [Электронный ресурс]. URL: // Режим доступа: <http://www.literaturepage.com/read/chesterton-innocence-of-father-brown-205.html>. (дата обращения 26.01.2019).
11. Jenkins J. Outline for How the Bible Came to Us. [Электронный ресурс]. URL: // Режим доступа: <https://Studylib.Net/Doc/7447737/Outline-For-How-The-Bible-Came-To-Us>. (дата обращения 26.01.2019).
12. 7 Things You May Not Know about the King James Bible. [Электронный ресурс]. URL: // Режим доступа: <https://margmowczko.com/7-things-about-the-king-james-bible/>. (дата обращения 26.01.2019).

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Казина Арина Ивановна
Arina Kazina

Геометрическое представление коммуникативных стратегий авторов тревел-блогов

Geometric representation of travel blogs authors' communication strategies

Аннотация: В данной статье предлагается геометрическое представление коммуникативных стратегий авторов тревел-блогов. Гипотеза о рассмотрении перлокутивного эффекта с помощью компланарных/некомпланарных векторов, коллинеарных/неколлинеарных векторов иллюстрируется примерами из наиболее популярных тревел-блогов. Формулируются основные постулаты в контексте реализации прагматических интенций авторов блогов через базовый принцип геометрии Лобачевского.

Abstract: This article presents a geometric representation of the travel blogs authors' communication strategies. The hypothesis of considering the perlocution effect using coplanar / non-coplanar vectors, collinear / non-collinear vectors is illustrated by examples from the most popular travel blogs. The basic postulates are formulated in the context of the realization of the pragmatic intentions by authors of travel blogs through the basic principle of Lobachevsky's geometry.

Ключевые слова: а прагматика, коммуникативные стратегии, векторы, тревел-блог, перлокутивный эффект.

Key words: pragmatics, communication strategies, vectors, travel blog, perlocutionary effect.

Вопросы интерпретации коммуникативных стратегий в современной лингвистике становятся все более актуальными. Исследователи связывают это в первую очередь с тем, что развитие информационно-коммуникационных технологий диктует свои правила для реализации прагматических интенций коммуникантов – трудно представить успешный тревел-блог без гиперссылок на социальные сети, креолизованного текста (фотографий, видеофайлов) и прочих экстралингвистических факторов, привлекающих внимание пользователей сети (рис. 1. Страница блога Alison Adventures [Alison Adventures, Электронный ресурс]):

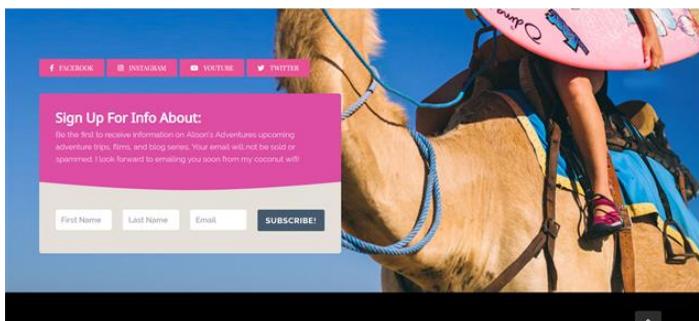

Рисунок 1 - Страница блога Alison Adventures

Необходимо отметить, что данная тенденция продиктована стремлением человека получить как можно больше информации за как можно меньшее время. Схожие процессы наблюдаются с 1990-х гг., когда показ видеоклипов по телевизору только начинает набирать популярность [Look at me, Электронный ресурс]. Развивается «клиповость» мышления, которая характеризуется концентрацией внимания на небольших концентрированных информационных блоках, часто сменяющих друг друга.

С переносом коммуникации в сеть процессы стимулирования «клиповости» мышления получили продолжение в социальных сетях, которые содержат «ленты», представляющие сжатую выборку основных новостей, сопровождаемые фотографиями или видео. Со временем, даже классические новостные ресурсы, представленные ранее полнотекстовыми версиями, перешли на схожий формат, ориентируясь на потребности целевой аудитории.

Так, известное британское издание The Guardian публикует статьи следующим образом (рис. 2. The Guardian [The Guardian, Электронный ресурс]):

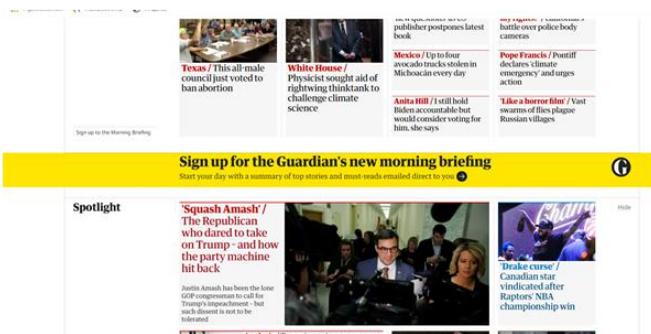

Рисунок 2 – The Guardian

Более того, «клиповость» мышления оказала влияние не только на экстралингвистические факторы, но и на лингвистику: в большинстве тревел-блогов мы видим стремление к языковой экономии, сокращениям, многочисленным повторам, капитализации и прочим явлениям, подчеркивающим высокий темп восприятия информации: «I promise I'm not just learning Spanish to drink local wine and admire their architecture. Promise...WHY LANGUAGES?» [Girl Vs Globe, Электронный ресурс].

«Клиповость» мышления, наряду с экономией языковых средств представляет своеобразную схему интернет-коммуникации, которую, мы полагаем, можно представить геометрически.

Безусловно, наша теория носит лишь гипотетический характер и может выглядеть весьма наивной, однако мы уверены, что с помощью векторов мы можем достаточно точно определить успех той или иной коммуникативной стратегии.

Предлагается, что за коммуникативную стратегию мы принимаем вектор, который имеет координату начала – исходную интенцию адресанта, направление или способ реализации данной интенции и координату конца – или перелопутивный эффект.

За плоскость, в которой будут располагаться векторы мы принимаем дискурс тревел-блогов (как доминанту нашего научного исследования). Следовательно, существует вероятность,

что если все прагматические интенции адресанта находятся в рамках единой плоскости и могут быть представлены как компланарные векторы, то перлокутивный эффект будет достигнут достаточно быстро.

Заголовок «15 Secrets To Help You Visit Lyon, France Like A Local» [For Two Please, Электронный ресурс] может быть представлен в качестве компланарных векторов, свидетельствующих об успешном перлокутивном эффекте. Очевидно, что вектор, проиллюстрированный лексемой «Secrets» побуждает пользователей прочитать статью, в то время как вектор «Like a Local» реализует когнитивный запрос читателей на «подобие» или желание казаться таким же как все (рис.3. Компланарные векторы):

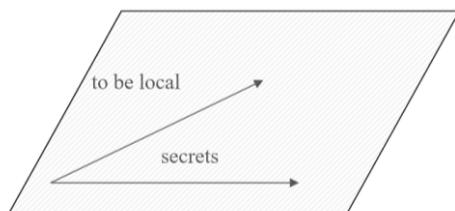

Рисунок 3 – Компланарные векторы

Успешность коммуникативных стратегий может быть рассмотрена и еще более наглядно – а именно, с помощью коллинеарных векторов. Проанализированная выборка тревел-блогов показала, что прагматические интенции авторов, находящиеся в одном направлении, оказываются наиболее действенными. Под коллинеарными векторами мы понимаем те векторы, которые располагаются на двух параллельных прямых или на одной прямой, являясь сонаправленными. Именно они свидетельствуют об успешности прагматической стратегии, поскольку сохраняют одно направление мысли, при этом приводя аргументацию, если же векторы являются противоположно направленными, то прагматические интенции адресанта сводятся

к нулю, за счет наложения противоположных направлений векторов

Коллинеарность сонаправленных векторов может быть продемонстрирована следующим заголовком: «Cheese, Chocolate and Alphorn in La Gruyère, Switzerland: A 'typically Swiss' day trip!» [Europe Diaries, Электронный ресурс] – в данном примере мы видим ряды однородных членов «cheese», «chocolate», «alphorn», которые могут быть представлены как векторы, располагающиеся на одной прямой, поскольку все эти лексемы имеют одну единственную прагматическую цель – создание уже знакомого (стереотипного) образа Швейцарии (рис.4. Коллинеарные векторы):

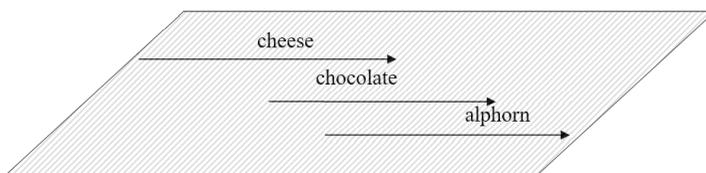

Рисунок 4 – Коллинеарные векторы

Наша теория также может объяснить и неудавшиеся коммуникативные стратегии. Так, если векторы некомпланарны, то и прагматические цели автора находятся в разных «плоскостях», следовательно прагматические цели достигаются значительно медленнее, не получится грамотно реализовать коммуникативную стратегию и в том случае, если векторы перпендикулярны (ортогональны) друг другу, поскольку их скалярное произведение равно нулю, следовательно прагматические интенции адресата слишком далеки от одной общей стратегии.

Схожим образом, однако уже с помощью базового принципа геометрии Лобачевского («Через точку, не лежащую на данной прямой, проходят по крайней мере две прямые, лежащие с данной прямой в одной плоскости и не пересекающие её»), мы

можем рассмотреть механизм восприятия реципиентами блогов и авторских заметок.

Принимая за авторское изложение прямую, а за пользователей сети – точку, не лежащую на данной прямой мы можем видеть бесконечное число других прямых, не пересекающих «авторскую» прямую, это свидетельствует о том, что при разном прочтении авторского текста, множество речевых актов может оказаться успешным, хотя изначально, автор рассчитывал на определенный узкий перлокутивный эффект.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что коммуникативные стратегии в рамках дискурса тревел-блогов представляют собой интереснейший эмпирический материал для дальнейшего анализа, более того – данный материал не потеряет своей актуальности, поскольку с развитием информационных технологий вырастут и возможности сети, создавая пользователям все больше творческого пространства для самореализации.

Литература

1. Alison Adventures. Personal blog. [Электронный ресурс]. URL: <https://alisonsadventures.com/> (дата обращения: 11.02.2019)
2. Europe Diaries. Personal Blog. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europediaries.com/deep-house-cleaning-life-in-switzerland/> (дата обращения: 13.02.2019).
3. For Two Please. Personal Blog. [Электронный ресурс]. URL: <http://fortwoplz.com/> (дата обращения: 11.02.2019).
4. Girl Vs Globe. Personal Blog. [Электронный ресурс]. URL: <https://girlvsglobe.com/rosetta-stone-app-review/> (дата обращения: 13.02.2019).
5. Look at me. Интрнет-медиа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/207449-clip> (дата обращения: 10.02.2019).
6. The Guardian. News & Media. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/us> (дата обращения: 13.03.2019).

**Язык китайского политического медиадискурса:
язык постправды и идеологическое конструирование**

**The language of China`s political media discourse:
the language the post-truth era and political truth constructing**

Аннотация: В эпоху пост-правды изучение языка политики Китая в глобальном информационном пространстве приобретает особую актуальность и представляет интерес в первую очередь с точки зрения использования ими возможностей соответствующих современных дискурсивных и информационно-коммуникационных технологий для усиления своей роли в международных процессах. Целью является оценка и сравнительный анализ китайского политического медиадискурса (эмпирический материал, период 2014-2017 гг.) по внешнеполитической проблематике.

Abstract: Political-ness of the media: threat or opportunity to democracy? With its progress in technology, China has moved beyond its past internet blockade tactics to actively initiating public opinion warfare on the basis of technological advantages in many areas. Content is also weaponized. Constructing political truth as historical truth is central to authority and political power. In the post-truth era of the postmodern worldview and the dominance of the simulacra, the study of the policies of China in the global mediasphere is of primary interest from the point of view of their use of relevant modern discursive and information and communication technologies to strengthen their role in international affairs. The goal is to evaluate the media discourse of China (2013-2017) on foreign policy issues.

Ключевые слова: медиадискурс Китая, критический дискурс анализ, пост-правда, дискурсивные и коммуникационные технологии.

Key words: China`s media discourse, critical discourse analysis, the post-truth, discursive and communication technologies in the media.

В настоящее время исследовательский интерес перемещается в сторону изучения интернет-дискурса и новых медиа: актуализируется изучение новых социолингвистических процессов в интернете. Уходит в прошлое скепсис относительно того, что интернет – это нечто вроде громадной свалки языковых отходов.

СМИ играют ключевую роль в поддержании стабильного функционирования как демократических режимов, способствуя большей подотчетности, управлению (good governance) и экономическому развитию, так и недемократических. Авторитарные лидеры всегда стоят перед дилеммой: свобода СМИ vs безопасность и сохранение власти. Это усугубляется нерешенностью вопросов налогообложения онлайн-рынка, национального регулирования доступа к онлайн-рынку,

личной конфиденциальности, прозрачности медиа и информационной безопасности. Проблема обеспечения международной информационной безопасности усугубляется тем, что она не стала объектом всестороннего регулирования в рамках международного права.

Исследуя политический медиадискурс того или иного государства возможно получить четкое представление о том, какие конкретно политические процессы в этом государстве происходят, какие процессы будут происходить, а также выявить определенные политические силы и группы, стремящиеся к тому, чтобы в данном государстве происходили те процессы, в которых заинтересованы именно они. В этой связи, актуализируются медиаисследования стран-государств, которые в той или иной степени позиционируют себя как новые геополитические центры силы, стремящиеся к изменению существующего миропорядка и достижению многополярного мироустройства.

Сегодня Китай выходит на лидирующие позиции в сфере информационных технологий. Язык масс-медиа и газеты активен в формировании языковой культуры народа. В КНР также наблюдаются изменения в системе жанров, усугубляются и расширяются процессы развития оценочности, использования различных пластов лексики, происходит становление как новой лексической системы медиа, в том числе и новой политической лексики.

Появление новых китайских СМИ создает эффект многообразия источников информации и плюрализма мнений в Китае. Означает ли это «демократизацию журналистики»? В условиях сращивания партийного и государственного аппарата в КНР все средства массовой информации, включая издания на иностранных языках, находятся под централизованным контролем, что является серьезным преимуществом в плане ведения внешнеполитической пропаганды.

Целью данного исследования является выявление особенностей китайского политического медиадискурса: каковы его основные параметры, по каким правилам он функционирует, каким образом он конструируется и самое главное – на что и кого он направлен.

Единицей анализа определен медиатекст, анализируемый как объемный продукт, нацеленный на воздействие аудитории различными способами. Хронологические рамки для выборки – 2013-2017 гг. характеризуются трендом на новые онлайн-медиа, технологизацию и кастомизацию. С позиций контекстуально-политического анализа 2013-2017 гг. – период прихода к власти Си Цзиньпина и смены архитектуры Ху Цзиньтао в Китае.

Выборка репрезентативная, формируемая в соответствии с исследовательским вопросом. Критерий формирования репрезентативности – медиаповестка (медиаsegment, специализирующийся на «горячей» международной проблематике КНР).

Табл. 1.

国和美国主要信息化指标及占世界总量比例 (2009-2030)
[Основные показатели информатизации в КНР и США и занимаемое место в мире по количеству пропорционально по годам с 2009-2030] [Hu Angang, 2011: 101]

	2009	2020	2030
移动电话用户数占世界总量的比例 (%) [Число пользователей мобильных телефонов и занимаемое место в мире в %]			
中国[Китай]	16.0	20.0	25.0
美国[США]	6.1	5.0	4.0
美国/中国 [США/Китай]	0.4	0.3	0.2
互联网用户数占世界总量的比例 (%) [Число пользователей Интернета и занимаемое место в мире в %]			
中国[Китай]	22.9	30.0	35.0

美国[США]	16.8	12.0	9.0
美国/中国 [США/Китай]	0.7	0.4	0.3

Примеч. В графе 美国/中国 [США/Китай] дается соотношение в % числа пользователей мобильных телефонов Китая к числу пользователей США.

Характеристики медиасферы Китая периода 2013-2017 гг.:

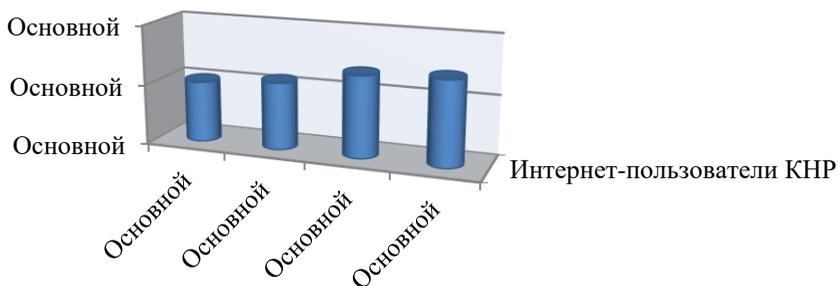

Диаграмма 1. Рост количества интернет-пользователей в КНР за 2011-2017 гг.

Сегодня площадками для получения новостной информации все чаще служат мультимедиаплатформы **中国网络媒体** (китайские новые медиа), развитие и становление которых началось в КНР с 1995 г. и продолжается по настоящее время. По популярности используемых digital-устройств в Китае и Гонконге в одинаковой степени присутствует тренд роста в сторону смартфонов: 67 % для Гонконга (Китай).

Цель с точки зрения времени и темы позволяет определить массив материала и сформировать репрезентативную выборку. Идентификация массива, исходя из исследовательского вопроса, позволяет вычлениить релевантные каналы для выборки медиатекстов. Основная отличительная особенность китайских медиа – технологическая блокада поисковика Google и онлайн-медиа Facebook, Instagram, Twitter и др.

Эмпирическим материалом для анализа в работе выступили 4 медиаплатформы КНР: «环球时报» («Global times»), «人民日报» («Народная ежедневная газета»), «凤凰网» (Phoenix New Media), «深度国际» (канал CCTV4 中文国际) плюс платформы CCTV и CNTV².

***Основные теоретические посылки по КДА в
современной англоязычной научной литературе в поисках
трактовки данной методологии***

1. CDA is a problem-oriented social research, founded in social history, semiotics and linguistics. 2. “**Critical Discourse Analysis** explores the connections between the use of language and the social and political contexts in which it occurs. <...> It also investigates ways in which language constructs and is constructed by social relationships. A critical analysis may include a detailed textual analysis and move from there to an explanation and interpretation of the analysis. <...> This may include tracing underlying ideologies from the linguistic features of a text, unpacking particular biases and ideological presuppositions underlying the text, and relating the text to other texts and to people’s experiences and beliefs [Paltridge, 2012: 186].

Н. Фэрклоу и Р. Водак констатируют принципы КДА: social and political issues are constructed and reflected in discourse; power relations are negotiated and performed through discourse; discourse both reflects and reproduces social relations; ideologies are produced and reflected in the use of discourse [Fairclough, Wodak, 2012: 187].

Основной задачей КДА является выявление примеров взаимного влияния языка и социального устройства, а также концептуализация языка как формы социальной практики. Важным аспектом выступает критический взгляд на социальные

² *Примеч.* В условиях сращивания китайского партийного и государственного аппарата эти СМИ, включая издания на иностранных языках, находятся под централизованным контролем, что является инструментом ведения внешнеполитической пропаганды и специфической особенностью информационной политик КНР. Охарактеризуем вышеперечисленные каналы с точки зрения их функционально-жанровой представленности и потенциала медиакратического воздействия.

явления, выраженные политической установкой, т.е. он включает политический и идеологический компонент; формирует междисциплинарную процедуру. Общество и культура диалектически связаны с дискурсом – они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. КДА направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Материал для КДА – политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. Представители КДА изначально рассматривают свои дискурстеории как методологический инструментарий, предназначенный для критического разоблачения закодированных в дискурсивных практиках отношений социального доминирования и дискриминации. Ведущими представителями КДА являются Мишель Пешо (Michel Pecheux), Норман Фэркло (Norman Fairclough), Рут Водак (Ruth Wodak), Тьон А. ван Дейк (Teun A. Van Dijk), Пол Чилтон (Paul Chilton), Кристина Шафнер (Christina Schäffner), Гюнтер Кресс (Gunter Kress) и др. [Матисон, 2017]. КДИ устанавливают связи между знаками, значениями и социальными и историческими условиями, которые задают семиотическую структуру дискурса, эксплицируют детерминированность текстовых структур социальным, когнитивным, политическим, историческим и культурным контекстами.

Таким образом, КДА – интерпретативный и объяснительный метод, подразумевающий систематическую методологию и связь между текстом, его политическими и социальными условиями.

Важной составляющей критического дискурс-анализа является признание изменчивости социальных норм и регуляций, которая выступает следствием трансформации дискурсных практик. Занимаясь выявлением властных отношений в дискурсе, представители КДИ определяют власть как производительную силу, появляющуюся в результате усвоения и признания некоторого типа языка участниками социальных взаимодействий.

Табл. 2.

Современные дискурс-подходы. Эволюция взглядов

Направление	Авторы	годы	оперируемые концепты
Многофункциональная лингвистическая теория	Майкл Холлидей (M/Halliday)	1960, 1970, 1985	Systemic Functional Grammar (SFG)
Дуальный подход (Dialectical-Relational Approach to CDA)	Н. Фэркло	1989 1995 2009	Форма и структура текста; Semiosis (linguistic communication+visual communication) Технологизация дискурса Доминирование, гибридизация дискурсивных практик, идеология, сопротивление, конверсионализация публичного дискурса
Дискурсивно-исторический подход (The discourse-historical approach DHA)	Р. Водак Р. де Силья М. Рейсиглу	1999 2009	Междисциплинарность Форма лингвистической реализации Дискурсивное конструирование национальной идентичности: (a) лингвистический контекст, (b) уровень интертекстуальности и нтердискурсивности; (c)

			экстралингвистический уровень (d) социо-политический и исторический уровень 6 стратегий идентификации идеологического позиционирования: номинация, аргументация, интенсификация, прогнозирование, перспективизация, «смягчение»
Социокогнитивная модель (Socio-Cognitive Discourse Analysis)	Тен ван Дейк [Dijk, 1987]	1997, 2009	Междисциплинарность Сознание, фреймирование (frame); Стереотипы, злоупотребление властью, этнические предвззудки

***КДА сегмента медиадискурса, специализирующегося на
тематике международных отношений КНР
(Анализ особенностей речевого воздействия,
аксиолого-манипулятивной составляющей и дискурсивных
стратегий китайского политического медиадискурса)***

Рассмотрим функционирование китайского политического медиадискурса на примере реализации стратегии дискредитации. Обращение к стратегии как единице анализа продиктовано парадигмой КДА Р. Водак (Constructive strategy) [Wodak, Cillia, Reisigl, Liebhart, 2009: 33].

Исследовательская парадигма обуславливает терминологическое разграничение понятия «дискредитация». Дискредитацию можно рассматривать и как прием в информационной войне и как дискурсивную стратегию и как прием речевого воздействия (текст и его визуальная составляющая). В любом случае манипуляция при дискредитации выступает инвариантом.

В целом, успех речевого воздействия обеспечивается набором тактик, а эффективное применение тактик зависит от выбора их языкового (речевого) воплощения. При анализе языкового материала исходим из того, что стратегия представляет собой планирование в самом обобщенном виде. В политической коммуникации выбор стратегии зависит от цели субъекта коммуникации. Важным фактором выступает контекстуальная ситуация. Анализ текста СМИ дискредитирующего типа предполагает извлечение из него системы языковых единиц, с одной стороны, содержащих утверждение об этих фактах, а с другой – оценивающих эти факты, т.е. представляющих собой высказывания комментирующего типа автора или журналиста с ярко выраженной негативной оценочностью.

Исследователи подчеркивают, что «специфика собственно языковых механизмов дискредитации обусловлена двумя составляющими: с одной стороны, особенностями **протекания коммуникативного речевого акта** в медиасфере, а с другой, – структурно-логической и языковой **организацией медиатекста**, вытекающей из его стилеобразующих признаков» [Чернышева, 2013: 293].

На макроуровне дискредитирующими выступают стратегии и технологии формирования медиаконтента и управление медиатопиками (выбор медиатопика). В связи с этим, выборка материалов медиатекстов за 2013-2017 гг. позволила объединить группы медиатекстов в соответствии с заданной тематикой и проанализировать, как разворачивается стратегия дискредитации в зависимости от ее объекта. Вычлененная проблематика выборки публикаций 2014-2017 гг. (проблемы т.н. «**地缘冲突带**» – «**Пояса геополитического конфликта**») по тем или иным параметрам затрагивает китайско-американские интересы и отражает противоречия: **1. 钓鱼岛冲突与南海冲突. Конфликт с Японией и конфликты в Южно-Китайском море;** **2. 对台湾军售. Поставка оружия Тайваню;** **3. 叙利亚危机与“伊**

斯兰国”。*Сирийский кризис и ИГИЛ*; 4. 美国“重返亚太”。*Возвращение США в АТР*; 5. 朝鲜非核化。*Разоружение Кореи*.

Обратимся к примерам анализа.

Е.g. “比利时监狱系统正在日益成为极端思想和恐怖主义的“温床”; 法国、比利时等国最近多起恐怖袭击的参与者均曾因小罪入狱, 很可能是在狱中接受了极端思想“洗脑”。按照比利时官员的设想, “把极端分子与其他囚犯完全隔离开, 以避免发生‘污染’”。³ [*В настоящее время тюрьмы Бельгии превратились в «рассадники» терроризма; возможно, террористы, устроившие взрывы в Бельгии и Франции, «заразились» этими идеями именно во время пребывания в тюрьме. В связи с этим, правительство Бельгии предпринимает следующие меры: держать террористов в отдельных камерах, чтобы не допустить «заражения» других заключенных*]. В примере автор описывает последствия террористических актов, совершенных группировкой ИГИЛ во Франции и Бельгии в 2016 г., а также передает настроения, витающие в мировом сообществе. В статье использованы метафоры террористических “温床”, “洗脑”,以避免发生“污染”, передающие негативное отношение автора к терроризму: он сравнивается с вирусом, которым заражается все большее количество людей.

Е.g. “叙利亚陆军方面强调, 重夺帕尔米拉显示政府军及他们的盟友, 是唯一可以打击及铲除恐怖主义的力量。叙利亚文化部长哈利勒赞扬重夺帕尔米拉是“人类的胜利, 打击了所有黑暗罪行”。⁴ [*Глава сирийской сухопутной армии подчеркивает,*

³ 比利时监狱成为恐怖分子“训练营”。URL: <http://news.eastday.com/eastday/13news/auto/news/china/20160330/u7ai5473821> (дата обращения: 19.09.2016).

⁴ 叙军重夺古城帕尔米拉。URL: <http://news.takungpao.com/paper/q/2016/0328/3298790.html> (дата обращения 19.09.2016).

что возвращение Пальмиры под контроль правительства Сирии – это важный шаг на пути к «выкорчевыванию» терроризма. Министр культуры Сирии Исам Халиль также дал высокую оценку действиям сирийской армии по возвращению Пальмиры: «Это победа всего человечества, благодаря которой мы подавили мрак на территории Сирии»]. В данной статье описывается возвращение Пальмиры под контроль правительства Сирии, которая ранее была завоевана группировкой ИГИЛ. Благодаря употребленным метафорам и цитированиям из выступлений представителей сирийского правительства, мы можем понять, что автор статьи также поддерживает данные военные действия армии. Например, метафору «подавить мрак на территории Сирии» мы понимаем как полную расправу над группировкой ИГИЛ.

Анализируя языковой материал за 2015-2016 гг. можно констатировать, что не утихает и антияпонская риторика, несмотря на окончание празднования 70-летия победы освобождения от японского милитаризма.

Е.g. “当地时间 2016 年 1 月 29 日，菲律宾帕塞市，菲律宾二战遭日本强征“慰安妇”聚集在日本驻菲使馆外集会抗议，要求日方道歉赔偿”⁵. В статье актуализируется проблематика филиппинских женщин, принужденных работать в военных борделях («станциях утешения») в годы второй мировой войны.

Кроме того, актуализируется проблематика разоружения Кореи, на территории которой столкнулись интересы США и КНР.

Е.g. “美称朝鲜当前的“核武游戏”有好处，美国现在实行‘战略忍耐’，忍耐的前提就是对美国没有威胁。不过，独联体国家反恐中心主任安德烈·诺维科夫认为朝鲜半岛局势有进入“恶性循环”：“美国与韩国虽然每年都举行联合军演，但今年的演习在规

⁵ 菲律宾“慰安妇”在日本使馆外集会 要求日方道歉赔偿. URL: <http://world.huanqiu.com/photo/2016-01/2819737.html#p=1> (дата обращения 30.01.2016).

模上‘有点过分了’。⁶ [США считают, что «игры с ядерным оружием» в Корее обязательно принесут им пользу в будущем. США выбрали тактику сдержанной терпеливости как не угрожающую собственным интересам. Однако глава Антитеррористического центра СНГ Андрей Новиков считает, что корейский полуостров попал в «порочный круг»: «США и Южная Корея ежегодно проводят совместные военные учения, но масштабы этого года – это уже «чересчур»]. Описываются недавние совместные военные учения США и Южной Кореи по отработке нанесения ядерных ударов по объектам КНДР. Автор часто использует прием «закавычивание» с тем, чтобы показать сове неодобрение к происходящему. В статье встречаются такие приемы, как метафора (“核武游戏”), литота (“有点过分了”) и другие.

Е.г. “朝鲜半岛生战生乱不符合任何一方利益”。⁷ [Действия Южной Кореи порождают войну и сумбур, что не принесет пользы никому]. В статье автор подчеркивает, что КНР негативно относится к апробации ядерного оружия в Южной Кореи и настаивает на разоружении данной страны. Заголовочное выражение “生战生乱” моментально привлекает внимание читателя и создает негативное впечатление о Южной Кореи.

Е.г. “军演规模空前，时间点又极度敏感，这势必会刺激朝方的神经，不可避免地给半岛和东北亚地区的和平稳定带来不利影响。中国与全球化智库研究员储殷表示，军演导致朝鲜半岛局势再度剑拔弩张，是所有希望半岛和平的人不愿看到的”。

⁶ 美称朝鲜当前的“核武游戏”有好处 所以忍耐。URL: <http://war.163.com/16/0328/14/BJ8HGDTG00014OVF.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁷ 国防部：朝鲜半岛生战不符合任何一方利益。URL: <http://www.huaxia.com/thjq/jsxw/dl/2016/02/4740915.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁸ [Размах военных учений в Южной Корее огромный. Кроме того, в настоящее время ситуация в мире нестабильная и это может «пощекотать нервы» корейцев, неизбежно дестабилизируя ситуацию на острове и в Северо-Восточной Азии]. В данной статье также описывается реакция других стран на ядерные испытания и проведение военных учений в Южной Корее. Автор использует эпитеты (“军演规模空前”), олицетворение (“时间点又极度敏感”), метафору (“度剑拔弩张”) и т.д.

В китайской медиасфере присутствуют ироничные статьи и комментарии в адрес США по вопросу возвращения США в АТР.

Е.g. “英媒：美国重返亚太战略“正在沉没”.⁹ [Стратегия возвращения США в АТР в настоящий момент тянет страну ко дну]. В статье описываются размышления западных СМИ на тему возвращения США в АТР и того, к каким результатам это может привести. “美国重返亚太首先将会联手哪个国家？又会剑指哪个国家” [США, возвращаясь в АТР, с какой из стран смогут начать сотрудничество, или нацелены на какую страну?], из которой видно, что и сам автор статьи старается понять истинные мотивы США.

Е.g. “人民日报：美国的重返亚太“乱象痴迷征”¹⁰. [Причина возвращения США в АТР – «синдром заблудившегося слона»]. С целью привлечения внимания читателей, автор поместил в название такой стилистический прием, как сравнение: причиной возвращения США в АТР является «синдром

⁸ 韩美军演：不应挑事惹事！ URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-03/08/c_1118270825.htm (дата обращения: 22.09.2016).

⁹ 英媒：美国重返亚太战略“正在沉没”. URL: <http://finance.jrj.com.cn/2016/09/21135821509944.shtml> (дата обращения: 22.09.2016).

¹⁰ 美国，“乱象痴迷征”可以休矣. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-07/20/c_129161835.htm (дата обращения: 22.09.2016).

заблудившегося слона». Автор сравнивает США со «слоном» – шахматной фигурой: каждой шахматной фигурой можно «ходить» одним определенным способом (по диагонали, через клетку и т.д.). Таким образом, автор ставит под сомнение правильность новой стратегии США.

Е.g. Статья 《美国特氏新政又如何？能源转型岂可逆》¹¹ газеты 《中国能源报》 об энергетической политике Китая и Америки.

中国当务之急是要解决能源转型中面临的问题，使转型产生更多的内生动力。中国的能源转型绝不应该像美国政党轮替那样忽左忽右，而是要充分考虑中国国情，然后形成一个坚定执行的可持续战略。在一定意义上，速度快慢并不重要，可持续，不逆转，不在实践中形成战术与战略的冲突，才是最重要的。我们相信，中国特有的体制优势，决定了中国的任何战略一旦清晰，就不会遭遇美国那样被抛弃、逆转的被动局面！从这个角度看，如果说，8年前奥巴马的“能源新政”给我们提供了很好的激励作用，那么8年后特朗普的“能源新政”已经不可能使我们退回到原点了。再说，谁知道下一任的美国总统怎么想呢？

В медиатексте присутствуют различные стилистические приёмы. Характерно наличие риторических вопросов: *美国特氏新政又如何？каким может стать новый американский курс？；谁知道下一任的美国总统怎么想呢？кто же может знать, что на уме у американского президента？；* эпитетов *坚定执行 твердо выполнять, 可持续战略 устойчивая стратегия；* метафор *美国政党轮替那样忽左忽右 смена политических партий Америки*

¹¹ 美国特氏新政又如何？能源转型岂可逆. URL: <http://solar.ofweek.com/2017-04/ART-260009-8440-30124498.html> (дата обращения 29.12.2017)

(ведет) то к одному, то к другому, и даже восклицание-призыв
就不会遭遇美国那样被抛弃、逆转的被动局面！*США не будут кем-то пассивно отброшены, а сами поставят положение в зависимость к себе!* Употребляемые стилистические приемы не только выделяют статью из множества других экономических публикаций, но и заставляют обратить внимание читателя и аналитика на такие важные моменты как энергетическая политика стран, новая политика США, агрессия президента Трампа, недовольство КНР политической системой Америки и т.д. В заголовке **《美国特氏新政又如何？能源转型岂可逆!》** **《Каким может стать новый американский курс? Обратным преобразованием энергии!》** заложена метафора, сравнивающая политику США при Трампе с электрическим током. Статья строится на контрасте идей Китая и Америки по энергетической политике. На макро- и мезоуровне автором создается образ США как вечно колеблющейся страны, а КНР как четко ориентированной державы, защищающей свои устойчивые национальные интересы. В данном примере китайскими авторами-дискурсологами реализуется стратегия дискредитации при конструировании образов политических акторов: Китая и США.

Анализ примеров выше демонстрирует возможности КДА применительно к материалам китайской медиасферы политической направленности. Так, манипулятивность СМИ и медиaprостранства КНР проявляется в трех направлениях: 1) уровень идеологической пропаганды, определяющей доминанту информационных потоков и медиapовестку (уровень государства); 2) языковой уровень (языковое манипулирование + средства визуализации); 3) уровень сетевых и компьютерных технологий, а также обмен информацией в сфере интернет-технологий. Эти уровни, взаимодополняя или усиливая друг друга, в медиасфере обрастают китайскими культуроспецифическими «моментами» (иероглифический характер письменной речи, прецедентные феномены, инфографика как новый способ представления действительности, повышенная метафоризация и т.д.).

Современные способы воздействия на общественное сознание могут быть верифицированы контент-анализом. Это статистическая обработка, оценка и интерпретация формы или содержания информационного источника, исследующая содержание сообщений, частотность и контексты употребления отдельных слов, сочетаний, а также способы подачи информации.

Для китайского политического медиадискурса характерно следующее: метафоризация языка в условиях цензуры; линия на антагонизм с США (торговые войны); образность и абстрактность конструируемых китайским медиадискурсом паттернов и смысловых полей; возрастающая роль гибридной журналистики; повышенная индивидуализация, графичность и интерактивность вырабатываемого контента (визуализация, инфографика); китаецентричный характер дискурса о политическом в мире. Экстраполяция всех зарубежных “hot” событий на китайскую систему координат с целью постоянного поиска урока, который можно извлечь из той или иной ситуации.

Обнаружено, идеологические установки ЦК КПК обуславливают насыщенность медиадискурса для зарубежного «потребителя» в расчете на медиаэффекты по политической и экономической проблематике.

Так, методология КДИ позволяет определить, что медиаповесткой медиа в сфере внешней политики в 2014-2015 гг. выступали проблемы взаимодействия Китая, США, Японии или Германии; в 2015-2016 гг. произошло смещение в акцентах медиаповестки в сторону вопросов, касающихся создания многосторонних финансовых институтов: АБИИ, Фонда Шелкового пути, китайских инициатив «Один пояс, один путь» и т.д. Интересно отметить тот факт, что в 2015 г. лексический пласт китайского политического языка пополнили различные **проекты «шелковых путей»**: (дискурсивная сила – попытка упорядочить экономическую экспансию, соединить развитие инфраструктуры в государствах-партнерах, торговлю и инвестиции в единую программу).

Стратегическая коммуникация Китая способствует формированию виртуальной медиа-картины мира (дискурсивные стратегии в медийном пространстве, вбирающие в себя средства визуализации и невербальную метафору).

Специфические возможности Интернета позволили ему стать основным каналом ведения информационных войн, с одной стороны, которому присуща соревновательная стратегия, результатом которой является создание имиджа политической правящей элиты. В КНР речь идет о полноценном создании своей собственной национальной дискурс-школы, первым этапом которой является «мягкое» насаждение своей идеологии, ценностей и, соответственно, имиджа.

Литература

1. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Д. Мэтисон.; пер. с англ. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2017. – 264 с.
2. Чернышова Т. В. Языковые механизмы дискредитации в медиатексте (по материалам лингвоэкспертной практики) // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26-27 апреля 2013 г.). – М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. – С. 291-297.
3. D`Ancona Matthew. Post Truth / D`Ancona Matthew. – Ebury Press. 2017. – 168 p.
4. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. – London. 1995. – 202 p.
5. Gustafsson K. Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations / K. Gustafsson // Asian Perspective. 2014. – Vol. 38, N 3. – Pp. 411–433.
6. Paltridge B. Discourse Analysis / B. Paltridge. – London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012. – P.186.
7. Ruth Wodak, Rudolf De Cillia, Martin Reisigl, Karin Liebhart. The Discursive Construction of National Identity. – Edinburgh University Press, 2009. – 276 p.
8. Van Dijk T. Communicating racism. Sage, 1987. – 214 p.
9. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage, 2001. – 226 p.
10. 2030 中国：迈向共同富裕 [China 2030: on the way to prosperity]/胡鞍钢. — 北京：中国人民大学出版社，2011.9. — 220 页.

11. 国际关系退化机制与国际程序重构 [An analysis of regression of The International Relations and The Remaking of International Order]: 谢剑南著. 北京: 时事出版社, 2014.1. – 328 页.
12. 破解中东乱象/刘宝莱主编. 北京: 世界知识出版社, 2015.5. – 256 页.
13. 作为政治的的广播: 中国新闻传播解释史. Communication as Politics / 赵云泽著 北京: 中国人民大学出版社, 2017.5. – 308 页.

Чеснокова Ольга Станиславовна
Olga Chesnokova
Флорес Арсила, Рубен Дарио
Florez Arcila, Rubén Darío

Наблюдения над колумбийским антропонимиком в тексте и дискурсе¹

Colombian Anthroponymicon in the text and discourse

Аннотация: В статье рассматривается антропонимикон колумбийцев, выводятся основные семиотические характеристики реалионимов и мифонимов. Показано, что колумбийские персоналии и концептуализация антропонимов в целом образуют прецедентные феномены, что обуславливает их словообразовательный потенциал, семантическую деривацию, идиоматизацию, трансонимизацию, а также роль в тексте и дискурсе под влиянием синкретизма культуры Колумбии, а также ценностей национально-освободительного движения.

Abstract: The article deals with the Colombian anthroponymicon. The authors interpret the main semiotic characteristics of realionyms and mythonyms from the semiotic point of view. The authors conclude that the names of illustrious Colombians and the anthroponyms conceptualization constitute Colombian precedent phenomena, which determine their word-formation potential, semantic derivation, idiomatization, transonymization, as well as their role in the text and discourse, all of them, under the influence of Colombian culture syncretism, as well as the national liberation movement values.

Ключевые слова: антропоним, имя собственное, реалионим, мифоним, текст.

Key words: anthroponym, proper name, realionym, mythonym, text.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-012-00316)

Современная ономастика является наукой синтезирующего типа, которая комплексно исследует имена собственные и выявляет их историческую, культурную и географическую составляющие. Антропоцентризм современного научного знания, его сосредоточенность на человеке логически обуславливает значимость междисциплинарных исследований взаимодействия языка с сознанием и менталитетом, показывающих, как именно естественный язык реализует свою уникальную способность служить средством отражения, хранения и передачи культурной традиции от поколения к поколению. Применительно к материалу полинационального испанского языка эта проблематика имеет особое преломление, поскольку современные национальные варианты испанского языка – это явления не только собственно языковые, но и культурно-мировоззренческие [Чеснокова, 2006: 3; 2014: 4], что в полной мере относится к функционированию национальных антропонимиков в тексте и дискурсе.

Республика Колумбия – крупнейшая страна Андского субрегиона, единственная страна Южной Америки, имеющая выход к Атлантическому и Тихому океанам. Современная культура Колумбия – уникальный синтез европейских, индейских и африканских культурных традиций. Задача данной статьи – рассмотреть и систематизировать ассоциативные и культурные связи антропонимов в колумбийском социуме, выяснить, каким образом имена собственные выполняют роль «трансфера знаний» [Демьянков, 2016] в колумбийской лингвокультуре. Гипотеза статьи состоит в том, что концептуализация антропонимов Колумбии, их реализация в тексте и дискурсе могут рассматриваться как ономастические доминанты колумбийского социума.

Реалионимы и мифонимы

В ономастике традиционно противопоставление реалионимов (имен реальных лиц и объектов) и мифонимов (имен вымышленных, фиктивных мифических объектов) [Сапожникова, 2017: 139]. Для имен литературных произведений нередко используется термин «поэтоним», которым оказывается «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую,

стилистическую и идеологическую функции» [Подольская, 1988: 108]. В рамках данной статьи мы будем следовать дихотомии «реалионим-мифоним», признавая ее отчасти условный характер в сфере языкового отражения религиозного мироощущения.

Колумбийские персоналии

Для выявления ономастических доминант колумбийского социума в сфере реалионимов закономерно обращение к персоналиям – именам лиц, получившим особую известность в рамках колумбийского социума, их ассоциативным связям и механизмам трансонимизации, понимаемой как «переходы онимов из одного класса в другой» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 347]. В случае с именами собственными, такой переход происходит внутри их классов, т.е., например, переход из разряда имен лица (антропонимов) в имена географических объектов (топонимы), в результате чего имя собственное становится эпонимом.

Генерал Симон Боливар (Simón José Antonio de la Santísima Trinidad Bolívar de la Concepción y Ponte Palacios y Blanco; 1783-1830) – выдающийся руководитель войны за независимость испанских колоний в Америке, национальный герой не только Колумбии, но и Венесуэлы, Эквадора, Панамы, Боливии, Перу, для которых он является «Отцом Родины» (El Padre de la Patria).

Имя Симона Боливара в колумбийской лингвокультуре активно претерпевает трансонимизацию и переходит в разряд топонимов. Фамилия Bolívar бытует как название городских объектов (годоним). Примеры многочисленны. Например, так называется площадь в историческом и политическом центре столицы Колумбии, Боготе: La plaza de Bolívar «площадь Боливара». Один из районов колумбийской столицы носит название Ciudad Bolívar «город Боливар». В г. Медельин есть парк имени Боливара (Parque de Bolívar). Главный проспект г. Барранкилья называется Paseo de Bolívar (Проспект Боливара), гидроним в департаменте Антиокия называется Río Bolívar. В каждом муниципалитете, на которые в административном отношении делятся департаменты страны, есть площадь имени Боливара. Один из тридцати двух департаментов, на которые разделена Колумбия, также увековечил имя выдающегося борца за независимость Латинской Америки и называется Bolívar

(учрежден в 1905 году²), таким образом эпоним Bolívar становится устойчивым межпоколенческим «трансфером знаний» об истории страны и одним из доминантных механизмов названия микро- и макротопонимов.

В виде сокращенной ономастической идентификации как Antonio Nariño /Антонио Нариньо в колумбийской лингвокультуре известен соратник Симона Боливара Antonio Amador José de Nariño Bernardo del Casal (Антонио Амадор Хосе де Нариньо-Бернардо-дель-Касаль; 1765 —1823). Антонио Нариньо – знаменитый колумбийский политический деятель. Еще в молодости он участвовал в тайных собраниях, где обсуждались идеи борьбы за независимость. В 1794 году Нариньо переводит с французского языка на испанский «Декларацию прав человека и гражданина» и распространяет копии перевода среди своих знакомых. Символично, что в одиннадцатом куплете гимна Колумбии Нариньо упоминается именно в ассоциативной связи с «Декларацией прав человека и гражданина»:

Del hombre los derechos
Nariño predicando,
El alma de la lucha
Profético enseñó.

Права человека
Прославил Нариньо,
И сущность (дословно:
«душу») борьбы
провидчески показал.

За перевод «Декларации прав человека и гражданина» Нариньо отправляют в десятилетнюю ссылку, откуда ему удается бежать. В 1811 году президент Лосано подает в отставку и отдает власть в руки Нариньо. В 1821 г. Нариньо был одним из кандидатов в президенты Колумбии, однако на выборах победил Симон Боливар.

Словосочетание Casa de Nariño / «Дом Нариньо» — это обозначение, получившее в 1908 г. официальная резиденция

² Подробное описание названий департаментов Колумбии и их столиц см.: Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка. М.: РУДН, 2014.

Президента Колумбии, построенная на месте дома, где родился Антонио Нариньо. Приведем пример из медийного дискурса:

Aunque el presidente Iván Duque no se reunió este miércoles con el grupo de cerca de 30 congresistas que había llegado a la **Casa de Nariño**, de manera intempestiva, a pedirle al mandatario que tome decisiones urgentes para resolver la protesta indígena, sí terminó hablando con una pequeña delegación de los parlamentarios [El Tiempo, Электронный ресурс]. «Хотя в среду Президент Иван Дуке не встретился с группой из порядка тридцати сенаторов, которые неожиданно **появились в Президентском Дворце Каса-де-Нариньо**, с просьбой принять срочные меры для урегулирования протеста коренного населения страны, он все-таки переговорил с небольшой делегацией парламентариев». В столичной газете La República есть постоянная рубрика Casa de Nariño, где читатели могут познакомиться с официальными новостями, идущими из Президентского Дворца [La Republica, Электронный ресурс]:

Имя Антонио Нариньо носит район в столице Колумбии: La Alcaldía local Antonio Nariño. Фамилия Nariño стала мемориальным топонимом, названием департамента на Западе страны, а также названием муниципальных центров в департаментах Кундинамарка и Антиокия.

Франсиско Хосе де Паула Сантандер-и-Оманья (Francisco José de Paula Santander y Omaña; 1792 — 1840) — военный и политический деятель Южной Америки, соратник Симона Боливара, национальный герой Колумбии, один из руководителей Войны за независимость в Латинской Америке в 1810—1826 годах, с 1819 года — главнокомандующий патриотической армией, Президент Новой Гранады с 1832 г. В колумбийской лингвокультуре он упоминается как Francisco de Paula Santander и метафорически предстает как El hombre de las Leyes «Человек Закона». Расположенные на Северо-востоке страны на границе с Венесуэлой два департамента увековечили фамилию этого национального героя Колумбии: Departamento de Santander, Norte de Santander.

Франсиско Хосе де Кальдас и Тенорио (Francisco José de Caldas, 1768-1866) – также герой национально-освободительной борьбы колумбийцев, военный инженер, географ, ботаник,

астроном и журналист. Кальдас был расстрелян в Боготе в 1816 г. Известен в колумбийской лингвокультуре как El Sabio «Мудрец» или El Sabio Caldas «Мудрец Кальдас». Первая фамилия героя увековечена в названии департамента Caldas, известного в современной Колумбии производством кофе и входящего в так называемый кофейный регион («треугольник») страны (Eje Cafetero).

Основателем столицы страны – города Богота был Гонсало Хименес де Кесада (Gonzalo Jiménez de Quesada; 1509-1579), испанский солдат и писатель. Центральный проспект в историческом центре Боготы носит фамилию Хименеса де Кесада: La avenida Jiménez. В разговорно-обиходной речи этот городской топоним (годоним) бытует в сокращенном виде как La Jiménez.

Как видно из приведенных выше персоналий и механизмов их перехода в топонимы, из полной ономастической идентификации лица переходит в топонимы, как правило, его первая фамилия, что характерно для латиноамериканской топонимической системы в целом. Колумбийская лингвокультура, однако, знает и другие примеры. Один из видных колумбийских военных, ономастическая идентификация которого образует персоналию колумбийской культуры, – это **Рафаэль Виктор Зенон Урибе Урибе** (Rafael Víctor Zenón Uribe Uribe; 1859-1914) – адвокат, журналист, дипломат, генерал, прославившийся во время Тысячедневной Войны (Guerra de los Mil Días (1899-1903)). Не исключено, что именно генерал Урибе Урибе стал прообразом Аурельяно Буэндиа в романе «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса [García Márquez, 1982]. Один из двадцати районов (alcaldía), на которые разделена современная Богота, называется Rafael Uribe Uribe, и представляет трехкомпонентную структуру годонима, не типичную для топонимических систем.

Имена известных колумбийцев образуют прецедентные высказывания. Обращение Coronel Rendón, *salve usted la patria* «Полковник Рендон, спасите родину» обиходное сознание колумбийцев устойчиво ассоциирует с призывом Симона Боливара, адресатом которого был Хуан Хосе Рондон Дельгадильо (Juan José Rondón Delgadillo; 1790 - 1822) в битве на

Пантано-де-Варгас (Pantano de Vargas, 1819). Когда победа уже казалась на стороне испанцев, Боливар, по преданию, обратился к полковнику Рендону, только что прибывшему на поле боя с небольшой конной армией, со словами: Coronel Rendón, salve usted la Patria. Приведем симптоматичный пример из цифрового архива газеты El Tiempo: Ya ni Dios me quita la victoria y ¡**General, salve usted la patria!** son frases que los habitantes de Paipa y la cercana inspección de Policía de Pantano repiten de memoria cuando se trata de recordar la famosa batalla del Pantano de Vargas, ocurrida el 25 de julio de 1819 [El Tiempo, Электронный ресурс]. «Господь не отнимет у меня победу» и «Генерал, спасите родину» – это фразы, которые жители Пайпа и близлежащего Пантано повторяют на память, когда речь заходит о знаменитой битве в Пантано-де-Варгас 25 июля 1819 года»

В разговорно-обиходной речи современных колумбийцев призыв найти выход из казалось бы безвыходной ситуации облекается в форму этого высказывания Симона Боливара и претерпевает модификации типа Quien salva la patria «Кто спасет родину», a ver salve la patria «давайте, спасите родину».

Антонио Рикаурте Лосано (Antonio Ricaurte Lozano; 1786-1814) – капитан освободительной армии, прославившийся отвагой в войне за независимость. Героически погиб в возрасте 27 лет в Сан-Матео, взорвав склад (и «разлетясь на куски», дословно: en átomos [volando] «на атомы»), на что прослеживается аллюзия в строках национального гимна, которые знают наизусть все колумбийцы:

Ricaurte en San Mateo
En átomos volando,
«Deber antes que vida»,
Con llamas escribió.

Рикаурте в Сан-Матео
Разорван на куски.
«Долг важнее жизни», –
Огнём он написал.

Мифонимы

Колумбия – католическая страна. Имена небесных покровителей прочно вошли в обиходное сознание и духовный мир современных колумбийцев. Гора (3152 м над уровнем моря) Монсеррате на востоке Боготы имеет название, прецедентно связанное с названием каталонской святыни Монсеррат (каталонск. Montserrat), при этом в колумбийском орониме

оказывается невыясненной причина появления конечного -е [Ospina, 2016: 204]. Гора Монсеррате славится скульптурой Señor Caído «Падший Христос». Другой почитаемый в Колумбии образ Христа – Divino Niño / «Божественный Младенец», находящийся в районе Veinte de Julio в Боготе.

La Virgen de Chiquinquirá или Nuestra Señora del Rosario de Chiquinquirá «Дева из Чикинкира» – священный образ, находящийся в департаменте Бояка, место паломничества верующих. Почитатели Девы из Чикинкира называются chiquinquireños. Дева из Чикинкира является Святой Покровительницей всей Колумбии.

Из многочисленных имен пантеона чибча-муисков, коренного населения страны, отметим теоним Bochica «Бочика» – имя одного из высших божеств чибча-муисков. Этимология имени Бочика – «бог наших полей», «плащ света», «ткач-пришелец». Божество Бочика «воплощает черты солярного божества, культурного героя, бога-устроителя общества, у некоторых племен – духа-покровителя охоты» [Мифология. Большой энциклопедический словарь, 1998: 98] и имеет параллели с ацтекским Кетцалькоатлем и инкским Манко Капак.

В обиходном сознании колумбийцев номинация complejo <de> Bochica «комплекс Бочки» означает увлечение всем иностранным [Ospina, 2016: 77]. В колумбийских блогах и в периодике встречаются интересные контексты функционирования названия этого психологического состояния, например: Acepto que tengo el **complejo de Bochica**, el mismo que parece tener la modelo colombiana Johana Uribe quien supuestamente afirmó que los hombres colombianos no le servían [Susana y Elvira, Электронный ресурс]: «Я допускаю, что у меня **комплекс Бочки**, тот же самый, которым страдает колумбийская модель Джоана Урибе, утверждающая, что колумбийские мужчины ей не подходят».

Мифонимы часто становятся в колумбийской лингвокультуре символами стереотипных ситуаций и представлений, если понимать стереотипное представление как «некий фрагмент (концептуальной) картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление» [Ковшова, Гудков, 2017: 126].

Cosiaca «Косиака» – имя странника, который, по народному преданию, жил в начале XX века в центре Колумбии, в департаментах Антиокия, Кальдас, Киндио и Риаральда. Колумбийцы любят рассказывать анекдоты, якобы принадлежащие этому персонажу, и о нём самом. Вот один из типичных колумбийских анекдотов о Косиаке:

Cosiaca el final de sus días los terminó en un asilo de ancianos manejado por religiosas.

Cuando se puso grave y a punto de morir, le pidió que le llevara un médico y un abogado.

Cuando llegaron los dos personajes al asilo, los hizo sentar cada uno al lado de la cama, pero Cosiaca permaneció en silencio.

Ante la tensión del cuarto, la monja le preguntó que para qué los había hecho llamar y él contestó:

— "Como yo me estoy muriendo, quiero que sea como Jesucristo en medio de dos ladrones".

В старости Косиака оказался в доме престарелых, за которыми ухаживали монахи.

Когда Косиака совсем ослаб, он попросил, чтобы к нему позвали врача и адвоката.

Врач и адвокат пришли, и Косиака попросил их сесть к нему на кровать, одного – слева, другого – справа. В комнате чувствовалось напряжение, и тогда монашка спросила Косиаку, зачем он попросил прийти врача и адвоката.

«Поскольку я умираю, хочу, чтобы это было как у Иисуса Христа, – между двумя ворами».

Имена вымышленных персонажей входят в устойчивые колумбийские метафоры и сравнения. *La familia Castañeda* / «семья Кастаньеда» означает, что группа родственников или семья отправляется в путь с большим количеством багажа. Если следовать общелингвистическому пониманию, что план содержания – это «предмет мысли, отражение в сознании предметов, качеств и процессов реального мира как внутренняя (семантическая) сторона (или содержание) языковой единицы» [Ахманова, 1969: 273], то в выражениях типа «семья Кастаньеда»

превалирует именно абстрактно-понятийная сторона. Прозрачная внутренняя форма обнаруживается у следующих мифонимов: familia Miranda, familia Peláez [Ospina, 2016: 134]. Обе дефиниции означают бедную семью, сводящую концы с концами. Говорящая фамилия Miranda образована от глагола mirar «смотреть», подразумевающего, что люди смотрят на витрины, но ничего не покупают. Говорящая фамилия Peláez мотивирована колумбианизмом pelado в значении «без денег» [Montoya, 2006: 181].

Doña Blanca [Ospina, 2016: 118] / «донья Бланка» метафорически означает рвоту, особенно после неумеренного потребления алкоголя: Voy a hacer un depósito en doña Blanca, a la cuenca del río Bogotá. Таким же вымышленным персонажем, имя которого, однако, мотивировано звукоподражательным эффектом и сниженно-вульгарной коннотацией, оказывается «дон Симон» в выражении las güevas de don Simón, означающего твердый отказ.

Заключение

Персоналии колумбийской лингвокультуры становятся одним из доминантных мотивов присвоения имени географическим объектам. Из полной многокомпонентной ономастической идентификации в топонимы переходит, как правило, одна из фамилий протагониста. Колумбийцам присущи устойчивые ассоциации наиболее значимых для историко-культурного развития страны персоналий, что мотивирует их перифразы, функционирование в тексте и дискурсе. Мифонимы страны обнаруживают широкую палитру признаков и референтов в диапазоне от священных образов до игровых номинаций юмористического плана, основанных на звукоподражании, морфологической и семантической деривации. Антропонимикон колумбийцев, таким образом, предстаёт как историко-психологическая лингвокультурная сущность, а закономерности и механизмы ее реализации в тексте и дискурсе образуют одну из ономастических доминант колумбийского социума.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. –М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.; 5-е изд. Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. – 486 с.
2. Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография/ Отв. Ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. – С. 61-85.
3. Ковшова М., Гудков Д. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Мифология. Большой энциклопедический словарь /Гл.ред. Е.М.Мелетинский. – 4.е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
7. Сапожникова Л.М. Типы первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов. Вестник ТвГУ. Серия «Филология», 2017.– №2. – С. 139-145.
8. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2006. – 238 с.
9. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка: монография / О.С. Чеснокова. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – Москва: РУДН, 2014. – 118 с.: илл.
10. El Tiempo. Интернет-медиа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eltiempo.com/politica/gobierno/congresistas-llegaron-a-palacio-sin-cita-previa-con-duque-a-mediatar-por-la-minga-342586> (дата обращения 27.03.2019).
11. García Márquez, Gabriel. El olor de la guayaba: conversaciones con Plinio Apuleyo Mendoza. — G.García Márquez. Plinio Apuleyo Mendoza. Bogotá, 1982.

12. La Republica. Интернет-медиа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larepublica.co/casa-de-narino>.
13. Montoya, Ramiro. Diccionario comentado del español actual en Colombia. Bogotá, Ed. Párrafo, 2006. – 356 p.
14. Ospina, Andrés. Bogotólogo. Usos, desusos y abusos del español hablado en Bogotá. Bogotá, 2016. – 320 p.
15. Susana y Elvira. Личный блог. [Электронный ресурс]. URL: <http://susanayelvira.com/blog/2008/06/el-complejo-de-bochica/> (дата обращения 27.03.2019)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Федорова Екатерина Сергеевна
Fedorova Ekaterina

Род и личность: к характеристике братьев Алексея и Михаила Лобановых-Ростовских. Их роль в политике и культуре XIX века (*по публикациям в периодике начала XXI века*)

Noble family and individuality: the characterization of the brothers Alexei and Mikhail Lobanov-Rostovsky. Their role in the politics and culture of the nineteenth century (*publications in periodicals of the early XXI century*)

Аннотация: Вклад братьев Лобановых-Ростовских в политику и культуру России XIX века значителен и оригинален. В исследованиях XX века они почти забыты. Обширное наследие по большей части не опубликовано. Публикации в периодике начала XXI века открывают новые аспекты их деятельности и своеобразия личности.

Abstract: The Lobanov-Rostovsky brothers' contribution to the politics and culture of Russia of the XIX century is significant and original. In studies of the XX century, they are almost forgotten. Extensive heritage for the most part not published. Publications in the periodicals of the beginning of the XXI century open new aspects of their activity and identity.

Ключевые слова: дипломат, библиофил, генеалог, историк и министр МИД Российской империи Алексей Лобанов-Ростовский, окончательный Константинопольский мирный договор 1879 г.; воин, чиновник, литератор Михаил Лобанов-Ростовский.

Key words: diplomat, bibliophile, genealogist, historian, Minister of foreign Affairs of the Russian Empire, Alexey Lobanov-Rostovsky, the final Treaty of Constantinople, 1879; the warrior, the official, the writer Mikhail Lobanov-Rostovsky.

Идеи века в истории рода.

Это название, более десятилетия назад было предложено автором предлагаемой статьи для серии культурологических исследований, посвященных малоизученным фрагментам или лакунам в истории старинных российских дворянских родов. Название реализовалось в научном проекте МГУ имени М.В. Ломоносова и дало ряд монографий и публикаций в научной и научно-просветительской периодике. Данная работа лежит в русле серии.

Издrevле славен

Род владетельных ¹ князей Лобановых-Ростовских, Рюриковичей, насчитывает немало выдающихся деятелей, ставших исторически значимыми фигурами. И первый среди них — внук великого князя владимирского Всеволода Большое гнездо — Василькó Константинович Лобанов-Ростовский, удельный ² князь Ростовский (1208-1238). Умный воевода, политик и правитель, однажды он попал в плен к монголо-татарам и отказался дать присягу в верности хану. Ему обещали милости и — мучения в случае отказа, но он остался тверд, за что был предан мучительной смерти. А затем канонизирован русской православной церковью. И, как сказано в его Житии, народ «проливал слезы жалости, встречая тело убиенного князя». Мощи его погребены в Успенском соборе в Ростове и донине. Сегодня население Ростова Великого знают и почитают это имя.

Рюрикович в начале XXI столетия

Спустя семь веков, в XXI столетии, в Ростове Великом знают и уважают имя прямого потомка Василькó Константиновича, общественного деятеля и мецената Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского³. Он потомок старшей ветви князей Лобановых-Ростовских. Разумеется, его любят в Москве и Петербурге, ценят подвижническую, последовательную и систематическую деятельность по возвращению в отечество вывозимых в первой половине XX столетия российских художественных ценностей. Коллекция театрально-

¹ Владетельный князь — обладающий правом наследственной монархической власти в данном ареале.

² Удел — княжеское владение на Руси в XII—XVI вв., являвшееся частью великого княжества.

³ вопреки беспрецедентным усилиям администрации Музея-заповедника «Ростовский кремль» очернить его доброе имя и умалить значение его даров. Причина проста. Получив немалые бюджетные средства на создание «Музея Лобановых-Ростовских» и публично объявив населению о его создании, нынешнее руководство не справилось с созданием музея, вместо которого предложила обществу траулку благотворителя. См. Петицию Президенту РФ «Уволить директора Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» Н.С. Каровскую». Яндекс.

декорационной живописи Серебряного века Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, признанная лучшей в мире, ныне находится в Театральном музее Петербурга; дары Никиты Дмитриевича Москве есть в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Доме русского зарубежья, Музее М.И. Цветаевой, Музее личных коллекций при МИИ имени Пушкина, ЦГАЛИ. И за рубежом на мировых аукционах и в музеях он известен как видный пропагандист русского искусства, в частности, является пожизненным членом Метрополитен-музея, где тоже хранятся подаренные им картины. За особые заслуги перед Россией Н.Д. Лобанов-Ростовский награжден Орденом дружбы, является почетным членом Российской академии художеств.

Многие представители рода занимались собирательством, благотворительностью, как «государственные мужи» участвовали в политике. Никита Дмитриевич продолжил не только благотворительную деятельность семьи, но и ее летопись⁴. Его тоже можно назвать государственным человеком, с большой мерой ответственности перед Отечеством он несет разные общественно значимые нагрузки, в том числе много лет являясь заместителем председателя МСРС (Международный совет российских соотечественников)⁵.

Лобановы в XIX веке

Свой вклад в развитие культуры и политики в XIX веке внесли потомки старшей ветви рода — братья Михаил (1819-1858) и Алексей (1824-1896) Борисовичи Лобановы-Ростовские. Старший Михаил, «московский» — жил в Москве и окончил Московский университет. Младший Алексей, «петербургский» — был выпускником Царскосельского лицея. Они – двоюродные

⁴ Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., 2010; Рюрикович в эмиграции. М., 2015; Рюрикович в XXI веке. М., 2017; Русский барин — герой Франции Н.В. Вырубов, М., 2017; Лобанова-Ростовская В.Д. О российской трагедии. До и после 1917 г. Воспоминания матери. М., Минувшее, 2018.

⁵ МСРС стремится объединять русскоговорящих людей и людей, идентифицирующих себя как представителей русской культуры, и живущих за рубежом; охватывает 52 страны, где есть русские диаспоры.

брatья прадеда Никиты Дмитриевича, ротмистра гвардии Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского (1826-1887). В XIX веке их имена были широко известны обществу, в частности, благодаря текущей прессе. Ныне они, к сожалению, известны только кругу специалистов.

Скудость исследований о Лобановых в XX веке

В XX веке о них незаслуженно забыли. Лишь некоторые упоминания о братьях встречаются в середине XX века⁶.

Н.Д. Лобанов-Ростовский. «Эпоха. Судьба. Коллекция».

Старший брат Лобанов

Одним из первых, кто спустя столетие опубликовал систематические сведения о них в начале XXI века, был Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. В книге-энциклопедии «Эпоха. Судьба. Коллекция», М., 2010, где собран материал и о круге интересов автора, и о членах его рода, мы встречаем графические изображения Михаила (1819-1858) и можем составить себе представление о его судьбе и характера. Не дожив до 40 лет, заслужил славу храброго военного, за мужество получившего различные награды и дошедшего до чина подполковника. Другая сторона его индивидуальности: закончил философский факультет Московского университета; независим в суждениях и решениях; знакомец А.И. Герцена и А.В. Сухово-Кобылина; «товарищ и единомышленник М.Ю. Лермонтова по «Кружку шестнадцати»,... в числе «шестнадцати» отправился вслед за Лермонтовым на Кавказ под пули горцев»⁷.

⁶ А.Б. Лобанов-Ростовский упоминается в работах 1961, 1967 и 1973 гг.: см. Кушнарeв И.С. «Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского». Саратовский государственный технический университет. 2008 г. Дисс. на соиск. зв. канд. ист. Наук. На правах рукописи. Некоторые фрагменты сочинений, мысли и соображения М.Б. Лобанова-Ростовского приводятся в связи с его дружбой с М.Ю. Лермонтовым, прежде всего в кн. Эммы Герштейн «Судьба Лермонтова». См. ниже.

⁷ «Эпоха. Судьба. Коллекция». М., 2010, с. 370-373.

Его труды до сих пор опубликованы фрагментарно. В частности, это извлечения, касающиеся ближнего круга поэта⁸. Из Записок, хранящихся в ГАРФ, одна, под названием «Обзор последних событий на Кавказе», воспроизведена на сайте «Восточная литература»⁹, посвященного публикации российских исторических источников¹⁰.

Стоит обратить внимание на резолюцию рукой императора Николая I: «Крайне любопытная, верная и плачевная повесть всего, что делалось на Кавказе; она прислана от неизвестного прямо к наместнику; прочтите. Хотя много нам известно, но бездушно читать нельзя. Яснее ничего я не читал. По прочтении возвратить. 15 июля [1844 г.]».

Заметка была направлена наместнику Кавказа анонимно. Ввиду ценности наблюдений Император приказал военному министру князю Чернышеву установить автора.

Вот что пишет последний, обнаружив имя анонима: «Я прочитал со вниманием записку неизвестного с Кавказа, которую Вашему императорскому Величеству благоугодно было сообщить мне. К сожалению, в ней много правды... По всем догадкам моим, сочинитель должен быть прапорщик Нижегородского драгунского полка, князь Лобанов, состоящий при генерале Фрейтаге. Этот молодой человек, при чрезмерно пылкой молодости, имеет большие способности, изучил арабский и татарский языки, и напитан, как и вся почти тамошняя молодежь, неограниченным пристрастием к генералу Ермолову! [...] Князь Чернышев. Санкт-Петербург. 9 апреля 1844 г.» (см.: ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 86. Л. 74)¹¹.

Вернемся к публикации Н.Д. Лобанова-Ростовского. Бесспорно, ясно обозначена оригинальная личность: чиновник и военный, мыслитель и литератор, достойна исследования и публикации всего свода его наследия. При всей сжатости очерка,

⁸ Лобанов-Ростовский М. Б. Из записок // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Худож. лит., 1989.

⁹ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-72 об. Рукопись. Копия.

¹⁰ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Vajnach_i_impersk_vlast/1-20/10.htm

¹¹ См. там же.

опубликованного в «Эпоха. Судьба. Коллекция», по точно извлеченным цитациям мы можем составить себе представление об образе его мыслей:

«Я осуждал покойного императора в том, — пишет он, — что он не мог в течение 26 лет забыть пролитую 14 декабря кровь, что он держал с тех пор под подозрением всех людей хороших фамилий, образованных и честных, удалял их, заменяя темными личностями, которые служили ему как лакеи, обманывая и обкрадывая его»

«... впоследствии мне удалось составить себе ясное понятие о том, от чего происходят все эти бедствия моей несчастной родины, и я написал по этому поводу записку, которая разделила участь всего написанного мною: все это осталось неизданным, так как не могло быть опубликовано при правительстве, не допускающем никакой правды и живущем только мраком и ложью».

Следует отдать должное тонкому анализу Записок, сделанному Эммой Герштейн в известном исследовании «Судьба Лермонтова» / Кружок шестнадцати (часть 4). Книга была издана в 1964 г. и переиздана в 1986 г. Теперь ее текст во всеобщем пользовании на сайте Лермонтов –лит.ру¹².

Младший брат Лобанов

О роли Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824-1896), дипломата, генеалога, коллекционера, подробно освещенной в XIX веке в мемуарной литературе и специальных исследованиях, ныне вспоминают мало. В публикации Н.Д. Лобанова-Ростовского точно обозначены «черты и вехи», позволяющие читателю нарисовать его достоверный портрет, ощутить своеобразие личности и оценить значимость вклада в политике и в истории русской культуры.

Так, его характер виден из приведенных мнений современников: «очень важный, умный»; «учтив и раздражающе уклончив»; «с огромным дипломатическим опытом и мировой репутацией»; «широко известный за остроумие и занимательность».

¹² <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/gershtejn/sudba-lermontova-5-4.htm>

Отмечены этапы его образования и карьеры, среди которых: «выпускник Царскосельского лицея с золотой медалью»; «чрезвычайный и полномочный посол в Константинополе (1867-1878), Лондоне (1879-1882), Вене (1882-1895)»; министр МИД (1895-1896); камергер (старшее придворное звание); сенатор (член назначаемого Императором высшего государственного органа законодательной, исполнительной и судебной власти); действительный тайный советник (что в гражданском Табеле о рангах соответствует военному генералу).

Особое внимание уделено до сих пор замалчиваемой роли А.Б. Лобанова-Ростовского в успешном подписании окончательного Константинопольского мирного договора с Турцией, в результате чего образовалось независимое болгарское государство. Очень точно сформулирована его дипломатическая стратегия: «... если Россия должна идти на те или иные уступки, то лучше делать их не державам, противодействовавшим России, а непосредственно самой Турции, чтобы не раздражать ее и не толкать слишком суровыми условиями в стороны Англии и Австро-Венгрии»¹³.

Единственное систематическое исследование о дипломате — «на правах рукописи»

В 2008 г. в Саратовском университете защищено диссертационное исследование И.С. Кушнарера, единственное, всесторонне освещающее деятельность дипломата ¹⁴. К сожалению, до сих пор опубликованной монографии Кушнарера нет. Результаты исследования доступны единицам. Общий вывод исследователя такой: если в дореволюционной литературе деятельность дипломата рассматривалась достаточно подробно, то на протяжении всего XX столетия «отражены отдельные эпизоды дипломатической деятельности А.Б. Лобанова-Ростовского, полное исследование его жизни и государственной

¹³ «Эпоха. Судьба. Коллекция», с. 374-377.

¹⁴ Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского. Саратовский государственный технический университет. 2008 г. Дисс. на соиск. зв. канд. ист. Наук. На правах рукописи.

деятельности отсутствует»¹⁵. В западной историографии специальных исследований тоже нет.

Среди более пристального внимания к дипломатическим достижениям Лобанова, которых коснулись в XX веке, интересен, например, вопрос, и ныне актуальный для мирового сообщества. «Советские ученые, касаясь ближневосточного кризиса 90-х гг. XIX в., писали о «свокорыстном» использовании армянского вопроса английской дипломатией, а также о стремлении российской дипломатии, в частности, Лобанова-Ростовского, обязать турецкое правительство провести реформы в пользу христианского населения и сохранить в регионе статус-кво»¹⁶.

Сжатую оценку в советский период получила и деятельность Лобанова по урегулированию русско-корейских отношений, его деятельности в Лондоне и Вене, взаимоотношения с главами Франции. Особенно автор выделяет статьи о дипломате, написанные в 1991-93 г. «В отечественной литературе постсоветского периода можно встретить несколько работ, посвященных непосредственно личности и деятельности Лобанова-Ростовского. Наиболее основательными из них являются исследования И.С. Рыбаченок. Автор в двух статьях охватывает весь период жизни князя... Однако автор практически не касалась дальневосточного направления в дипломатической деятельности Алексея Борисовича»¹⁷.

Повторим, основным пробелом — в советский и постсоветский период — остается, прежде всего, роль А.Б. Лобанова-Ростовского в подписании Константинопольского договора и во всем комплексе мер, за которыми последовало образование самостоятельной Болгарии.

Главная лакуна — роль дипломата в заключении окончательного договора об окончании русско-турецкой войны 1879 г.

Напомним, что причиной русско-турецкой войны 1877-78 гг. было горячее сочувствие всего российского общества славянам-христианам, подвергавшимся на территории

¹⁵ Там же, с. 15.

¹⁶ Там же, с. 9.

¹⁷ Там же, с. 10-11.

Османской империи жестоким преследованиям. Император Александр II, не желавший новой войны для России, ресурсы которой были истощены предыдущей, равнодушным к ситуации оставаться не мог. Убедившись, что все дипломатические средства для мирных переговоров исчерпаны, а надежда на совместные действия с другими странами растаяла, произнес неожиданную и решительную речь в Большом кремлевском дворце, при многочисленном присутствии представителей разных сословий, о своем твердом намерении «действовать самостоятельно», коли окончательно не удастся договориться. Это означало, что Россия движется по направлению к военным действиям с Турцией. Российские дипломаты и после этого не оставляли своих попыток уладить конфликт мирным путем¹⁸. Избежать войны не удалось. В результате военных действий была восстановлена независимость княжества Болгарского. Широко известно заключение *предварительного* Сан-Стефанского мирного договора. Однако после заключения произошли некоторые события, подточившие его положительные результаты.

Характер и профессия

Как важнейшие составляющие дипломатических успехов Лобанова-Ростовского отмечается: уникальная способность налаживать отношения с людьми и организаторские способности. Важным было еще одно обстоятельство — контакт, который Лобанов сумел установить с главами обеих держав: благоволение императора Александра II к князю, расположение к нему лично султана и высших турецких кругов.

В зыбком международном пространстве нужен был такой посланник в Турции, которого бы хотела сама Турция. Им оказался Лобанов. Султан лично просил о его назначении. Современник князя замечал: Лобанов «не тормозил турок, как это делали другие послы, не возбуждал новых вопросов и держался главных линий, данных ему инструкцией... Такою манерою приобрел он расположение султана Абдул-Гамида, как

¹⁸ См., например, Айрапетов Олег. Россия: решительный шаг к войне во имя сохранения мира /Regnum (6 апреля 2018), <https://regnum.ru/news/2400948.html>

ни один посол ни до, ни после него»¹⁹. Роль дипломата в заключении *окончательного* Константинопольского мирного договора и образовании самостоятельной Болгарии огромна.

Однако к периодике середины прошлого века относятся: *одно упоминание* А.Б. Лобанова-Ростовского в достижении константинопольского договора; *три упоминания* роли Лобанова в урегулировании российско-болгарских отношений.

Привлекая обширный корпус разнообразных документальных свидетельств, в том числе, архивы МИД, Кушнарев убедительно показывает достижения дипломата, заполняя «пустые страницы» историческим документальным материалом, конкретно иллюстрируя, какие черты личности и характера дипломата способствовали успешному решению сложных вопросов. В этом смысле диссертационное сочинение можно назвать учебным пособием для современных дипломатов.

Так, демонстрируется «быстрый ум» Лобанова и решительность его действий. Стремительным дипломатическим натиском одного человека удалось пресечь новый виток массовых военных действий, угроза которого возникла уже после заключения Сан-Стефанского договора. Летом 1878 г., после прекращения военных действий близ Сан-Стефано русская и турецкая армии, расположившись друг против друга. Турецкий генерал Фуад-паша обратил внимание на возведенные русскими наблюдательные вышки. Фуад-паша усмотрел в этом нарушение потребовал от русского генерала Скобелева вышки разрушить. В противном случае, предупредил он, будет дан приказ о наступлении по всей линии и *выдвинул за пределы демаркационной линии* передовые войска. Вечером возникла реальная угроза возобновления военных действий. Лобанов прибыл *в 4 часа утра* следующего дня. *В 5 часов утра* Лобанов уже был у турецкого министр иностранных дел Сервет-паша; добился, чтобы его разбудили; ввел в курс дела; убедительно нарисовал нежелательные для Турции последствия; добился от нерешительного министра, чтобы он телеграфировал об этом султану Абдул-Хамиду II. *Уже в 6 часов утра* султан

¹⁹ Кушнарев И.С. с. 61.

телеграфировал Фауд-паше о прекращении провокационных действий²⁰.

А. Задачи, поставленные перед Лобановым после заключения предварительного Сан-Стефанского договора²¹

— следить за деятельностью специальных комиссий по разграничению вновь образованных государств с Турцией и между собой;

— решить вопрос об очищении турками крепостей Варны и Шумлы и передаче России Батума;

— контролировать усмирение восстания в Родопских горах;

— помочь в становлении новых государственных органов в Болгарии.

Особенно большое значение российское правительство придавало подписанию с Портой окончательного мирного договора, статьи которого не подлежали рассмотрению на Берлинском конгрессе. В инструкции Лобанову канцлер А.М. Горчаков писал: «Нам важно иметь в руках обязательство, непосредственно связывающее Турцию с Россией, независимо от ее обязательств по отношению к Европе, и которое бы нам позволило в случае необходимости потребовать права на то, что у нас оспаривалось до настоящего времени».

Б. Как Лобанов решал сложные текущие вопросы

— До приезда Лобанова в Константинополь главнокомандующий русской действующей армии Э.И. Тотлебен безуспешно добивался от Порты очищения турецкими войсками Варны и Шумлы... К июлю 1878 г. *в результате энергичной деятельности Лобанова и Тотлебена вопрос об очищении крепостей был решен*

— Турция тянула с передачей Батума... *После разговора с Лобановым турецкие власти вынуждены были уступить требованиям России, в результате 25 августа Батум был занят русскими войсками*

²⁰ Кушнарев И.С. сс. 58-59.

²¹ Пункты А.и Б: приводится экстракт представленных исследователем документов, см. Кушнарев И.С. сс. 47-61.

— По окончании военных действий в мусульманских селах, расположенных в районе Родопских гор началось восстание, инспирированное турецкими властями и английской агентурой... Русским войскам *не удавалось подавить* восставших, убивавших и грабивших болгарское население... В конце августа 1878 г. *Лобанов и Тотлебен «имели горячие объяснения с высшими турецкими государственными деятелями». В результате было достигнуто соглашение о мерах к прекращению «искусственно возбуждающей агитации»*

— В октябре 1878 г. российской дипломатии стало известно, что болгарские вооруженные отряды, сформированные на занятых русскими войсками территориях, производили набеги на пограничные с Болгарией районы Македонии. Царское правительство *поставило перед Лобановым и Тотлебенем задачу остановить движение в самом начале его развития...* Турция направила державам ноту, адресовав ее и Лобанову, обвинив российские власти в «пособничестве болгарским бандам». На Россию возлагалась ответственность в том случае, если Турция вынуждена будет применить военную силу для усмирения беспорядков. Здесь Лобанов проявил четкое понимание всех нюансов ситуации, сформулировав нежелательные правовые последствия для Турции при развитии конфликта.

Лобанов предложил Турции а) привести «хотя бы единый факт», который мог свидетельствовать о нарушении со стороны России взятых на себя обязательств, и сообщил об ответственности Турции в том случае, если под предлогом подавления беспорядков пострадают мирные жители. «Обвинение русских властей... не только лишено всякого основания, но даже противно истине, так как власти обезоружили болгар, намеривающихся поддерживать смуты...» б) «Сообщите мне, по крайней мере, названия разрушенных или разграбленных селений, дабы я имел возможность снарядить следствие». Князь предложил провести расследование и турецкой стороне, которая обещала выполнить обе просьбы, но, не имея на руках реальных доказательств, их не выполнила. Это *давало основания российской стороне утверждать о полной безосновательности турецких обвинений и остановило конфликт.*

— В конце декабря 1878 г. осложнился вопрос о *контрибуции*, и в частности, *по какому курсу Турция должна выплатить* обозначенные Сан-Стефанским договором 300 млн. рублей. Лобанов предусмотрел, что «способ уплаты контрибуции составит один из наиболее затруднительных вопросов». Путем переговоров он был решен и включен в договор: Турция обязывалась выплатить России 802,5 млн. франков контрибуции, а также возместить убытки российским подданным и учреждениям, испытанные во время войны, в размере 26,75 млн. франков. *При финансовой слабости Турции эти обязательства перед Россией явились эффективным средством давления на турецкое правительство*, в том числе в вопросе о российском содействии в становлении государственного суверенитета Болгарии, — делает вывод И.С. Кушнарев.

— Константинополь, под влиянием английской дипломатии, отказался включить в мирный договор *пункт*, согласно которому Турция брала на себя обязательство перед Россией по всем вопросам придерживаться Берлинского трактата, объясняя возможным недовольством западных государств. Тем не менее, *Лобанов в более смягченной форме смог добиться принять этот пункт*.

— после длительных обсуждений 27 января (8 февраля) 1879 г. между А.Б. Лобановым-Ростовским и турецким министром иностранных дел А. Каратеодори-пашой был подписан долгожданный *окончательный русско-турецкий договор, закрепивший те условия Сан-Стефанского договора, которые не были отменены или изменены Берлинским трактатом*.

«О, как убийственно мы любим...» Ф.И. Тютчев

Часто большой талант, успешно реализованный, предполагает некоторое подавление других сторон личности, поглощает их. Яркая деятельность на профессиональном поприще может, например, сферу личных чувств оставить вполне заурядной, незначительной для того, чтобы ею интересовались потомки. Алексей Борисович — иной случай. Страсть и темперамент проявлялись не только в отношении к главному делу его жизни, но и к собирательству, к отечественной истории. А также случилась в его жизни история любви, столь

ослепительная, будто приготовленная стать основой литературного произведения. Так и случилось²². Со всеми атрибутами любовно-сказочного жанра: романтическая фигура возлюбленной — баронессы-чужестранки, невероятность хода событий для любого здравомыслия, и как полагается, трагический конец. И еще более невероятна снисходительность власти к этой истории, в результате которой, после гибели возлюбленной, Лобанов смог вернуться на дипломатическую работу.

Помнится, как в одном интервью Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, рассказывая о прерванном Лобановым дипломатическом поприще ради вспыхнувшей страсти, на мгновение запнулся, и продолжил с некоторым для самого себя недоумением, не находя, видимо, достаточных оснований поступка для безусловного «человека дела», государственного мужа.

Но не таков был чувствительный XIX век. Преданность делу не съедала умения любить и потребности любви. Дисциплинированный ум не претендовал полностью контролировать эмоциональную жизнь. Мы знаем и другие подобные примеры. Так, Федор Иванович Тютчев, который, как известно, занимал ответственные государственные должности, будучи в разные периоды своей жизни и дипломатом, и цензором. «Трудно переоценить политическую широту и прозорливость Тютчева»²³, поэт и на дипломатической службе был талантлив, как бы она его ни тяготила. Меж тем, в пожаре влюбленности в баронессу Эрнестину Федоровну Пфедфель и стремясь ускорить бракосочетание с ней, он самовольно покинул Турин, где был старшим секретарем посольства, и внезапно отправился в Мюнхен. Наказание было тяжелым: «лишен всех чинов и звания камергера». А ведь он «не обладал достаточными средствами,

²² Гентшенфельбе Наталия фон. Диалектика любви. / Рюрикович в XXI веке. М., 2017, сс. 72-147.

²³ Кожин В.В. Тютчев. М., Молодая гвардия, 1988: Цит. по <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/prorok-6.htm>

чтобы жить независимо»²⁴. И было ему тогда 36 лет, что по тому времени означало давнюю зрелость. Да еще редкая особенность Тютчева — ранее взросление. «С молодых ногтей», с 19 лет, он находился на дипломатической службе, за плечами 17-летний «стаж» ...

Лобанова страсть настигла на пороге 40-летия. Обстоятельства ее по тем временам были беспрецедентно скандальны. Баронесса Жюльетт де Буркне — замужняя женщина. Иностранка. Жена французского дипломата! Но он не отступил. И, видимо, ни о чем не жалел. Потеряв возлюбленную, не предал свое чувство и этот странный период его жизни, вспоминая его как «счастливейший». Разумеется, мягкость отношения к этой истории объясняется огромной пользой, которую приносили и могли принести в дальнейшем Отечеству дипломатические способности Лобанова.

«Официальная формулировка увольнения гласила: «по домашним обстоятельствам». Но по некоторым данным разразился скандал из-за любовной связи князя с женой французского дипломата. Министр иностранных дел А.М. Горчаков сообщил Лобанову, что Александр II сожалеет о случившемся. «Император теряет выдающегося слугу, — писал он, — вы прерываете в середине прекрасную карьеру». Несмотря на причины, по которым Алексей Борисович ушел в отставку, в аттестате, который ему был выдан в июне 1863 г., было написано: «Во время служения случаям, лишаящим его права на пользование знака отличия безупречной службы, не подвергался». Период с 1863 по 1866 гг. 1866 г. Алексей Борисович прожил в Ницце со своей избранницей Ж. Буркне, называя его впоследствии «счастливейшим временем своей жизни». Но уже с июля 1863 г. он вновь числился по ведомству российского МИДа. Несмотря на то, что в этот период князь не занимал никаких должностей, он время от времени выполнял поручения министерства. В 1866 г., после смерти возлюбленной, Лобанов-Ростовский вернулся в Россию и в том же году был

²⁴ Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Критико-биографический очерк. Ф.И. Тютчев. / Тютчев. Стихотворения. Спб. Изд. А.Ф. Маркса, 1911, с. 15.

переведен в Министерство внутренних дел. 22 июля 1866 г. его назначили орловским губернатором»²⁵.

НОВОЕ ОБ АЛЕКСЕЕ ЛОБАНОВЕ-РОСТОВСКОМ В ПЕРИОДИКЕ XXI ВЕКА

Такая многогранность и оригинальность проявлений личности в разных областях жизни должна бы указать исследователям и на дальнейшие исторические открытия в жизнеописаниях Лобановых-Ростовских. Поскольку эта фигура остается «на обочине» исторической мысли, мы решили проследить, есть ли движение навстречу к ней у современных авторов и какие стороны его деятельности и индивидуальности вызывают интерес исследователей, какие новые документы опубликованы?

Школьный театр в Царском селе

Так, из источников мы узнаем, сколь важную роль в Царскосельском лицее занимал школьный театр и служил воспитанию того, как держать себя и найтись в любом обществе. Мы бы сейчас сказали, игра на сцене служила для учеников инструментом формирования навыков коммуникации в разных публичных и частных ситуациях, ведь их готовили к общественной государственной деятельности. «Мне чрезвычайно понравилась, так сказать, *манера* воспитанников; я заговаривал со многими из них на разных языках; все отвечали непринужденно, объяснялись щегольски, и притом все эти юноши ловки и развязны в общении»²⁶. Надо обратить внимание, что слово «развязный» употреблено не в современном понимании как синоним «бесцеремонного» или «фамильярного», а в старинном как синоним «непринужденного».

Театральное действо, описанное свидетелем, отличалось протяженностью и разнообразием жанров. В один вечер; читались стихи, были сыграны комедия А. Шаховского «Ссора или два соседа», представлены сцены из «Мертвых душ» Гоголя, а также и пьеса на французском языке «Комедиант из Этампа» М. Моро и П. Сердена, и все это завершилось балом, «великолепным

²⁵ Кушнарев И.С. с. 37.

²⁶ Кобеко Дмитрий Фомич. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. М., Кучково поле, 2008, с. 339.

и веселым». Речь идет о 19 октября 1842 года, Алексею Лобанову-Ростовскому 18 лет, он участвует во всех трех постановках. На следующий год мы вновь видим будущего дипломата в пьесах А. Полевого «Иван Иванович Недотрога» и комедии Скриба «Секретарь и повар». Бесспорно, навыки владения сценой, своим голосом и телом, вниманием аудитории, а также способность войти в роль не могли не пригодиться Лобанову в профессиональной деятельности.

Библиофил, генеалог, коллекционер — писатель

Отчетливый интерес современных исследователей вызывает еще одна серьезная и постоянная страсть Лобанова — к книге. Этот круг интересов дипломата в полноте систематизируется в недавней публикации²⁷. «Активной натуре Алексея Борисовича было тесно в рамках только профессиональной деятельности: пытливому уму добавляло пищи еще и библиофильство. С детства Лобанов любил слушать рассказы стариков в прошлом и записывал их. «Больше всего его интересовали XVIII в. (особенно эпоха Павла), родословные дворянских родов (в первую очередь угасших), из взаимосвязи, влияние на судьбу страны, участие в важнейших мировых событиях». Таким образом, из детской любви к истории вырастает интерес к книге, к генеалогии и геральдике, наконец, к коллекционированию не только печатных изданий, но и рукописей, портретов, монет. «Длительная и кропотливая работа по изучению истории русского дворянства... вылилась в двухтомный труд «Русская родословная книга» (Спб, 1873, 1875), ставшее моментально библиографической редкостью»²⁸.

Пришло время издать собрание трудов Лобанова-историка?

Более того, Лобанов становится очеркистом-историком («в течение 1873-1888 г. в журналах «Русская старина» и «Русский архив» публикуются его очерки, посвященные ... известным лицам»). Благодаря цитируемой публикации четко

²⁷ Ковригина С.И. Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский / Книга в пространстве культуры. Вып. 1(6), М., 2010, сс. 29-32.

²⁸ Там же, с. 29-30.

вырисовывается и еще одна лакуна, в связи с ней видится возможность нового диссертационного исследования: «А.Б. Лобанов как историк. На материале журналов...». Современному читателю, возможно, был бы интересно издание тома этих очерков с добавлением публикации неоконченного сочинения об Императоре Павле I. Ведь современниками научная деятельность князя была высоко оценена, что сказалось, в частности, в избрании его в 1876 г. почетным членом Императорской академии наук. Существует историческое сочинение Лобанова о французской истории: «в Париже Лобанов-Ростовский анонимно издал «Письма маркизы де Куаньи...» (Letters de la marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant a la societe francaise. P., 1884) и другие материалы по истории Франции»²⁹.

Статья является итогом исследования книжного собрания Лобанова-Ростовского в основном фонде РГБ. При его жизни собрание насчитывало 8429 томов. После смерти частично распродано. А после октябрьского переворота задача новой власти (непонятная с точки зрения здравого смысла, но всецело осуществившаяся) — распылать дворянские архивы по разным хранилищам. Сегодня, благодаря эксlibрису князя, «в процессе исследования фонда основного хранилища РГБ было выявлено 110 экземпляров изданий из собрания Лобанова-Ростовского»³⁰.

Что касается незаконченной рукописи Алексея Борисовича о Павле I, в другой публикации мы встречаем её любопытную предысторию. А также нам открывается, сколь близок был Алексей Борисович к Александру II, беспрепятственно получая доступ к государственным и династическим тайнам. Бесспорно, в ниже приводимых фактах очевидна высокая степень доверия Александра II к Лобанову-Ростовскому как к личности.

«Александр II любил историю. Эту науку ему в бытность его великим князем преподавал профессор Константин Иванович Арсеньев (1789-1865). От будущего самодержца старались не скрывать щекотливые династические тайны. Для подготовки подобных лекций Арсеньеву иногда доставлялись секретные дела из Государственного архива. Так, например, профессор

²⁹ Кушнарев И.С., с. 45.

³⁰ Ковригина С.И., с. 30.

запросил бумаги о смерти в 1718 году в Трубечком бастионе царевича Алексея Петровича, а о подлинной причине смерти Павла I Александр Николаевич узнал от самого отца-императора: «Обедал один с бесценным моим родителем, и тут папа рассказал, как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловым в Ропше, как она взошла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении и не велел мне никому о сём говорить»,— записал Александр Николаевич в своём дневнике 11 марта 1833 года. Говорить он до поры до времени никому не стал, но вообще всегда очень интересовался эпохой деда... *Император всячески поощрял изыскания князя А. Б. Лобанова-Ростовского об эпохе Павла I и предоставлял князю разные документы из своей библиотеки. Последний же, в свою очередь, присылал государю выписки из различных книг, архивных дел, копии всевозможных документов, касающиеся павловской эпохи, свои заметки по данному вопросу*»³¹.

Еще один аспект крупного библиофильского собрания Лобанова опубликован сегодня специалистами. Это автографы, то есть рукописи, принадлежащие авторам текстов, список которых предлагает Российский государственный архив древних актов³². Достаточно привести такие документы «Письма Александра I кн. П. М. Волконскому, гр. К. В. Нессельроде и др. 1805 — 1825, вел. кн. Константина Павловича Н. Н. Новосильцеву и др. 1809 — 1819, саксенкобургского принца Леопольда вел. кн. Константину Павловичу 1815... Рисунки К. П. Брюллова (акварель, карандаш, перо) 1831, 1833».

Занятия историей и активная жизненная позиция

Не в последнюю очередь занятия историей воспитали в дипломате глубокое видение общественных событий современности. В силу понимания их последствий он занимал по

³¹ Сидорова Анна, Исаева Елена. Ларец императора Павла / Родина, 03.04.2014, № 4, с. 118.

³² Коллекция автографов кн. А. Б. Лобанова-Ростовского. Ф. 1477, 46 ед. хр., 1786 - 1864 (печ. до 1893). Оп. 1/Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. В четырех томах. Том 4. 1999. См. <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=151&sid=336393>

отношению к ним активную позицию. Отметим, что «после отмены крепостного права, когда начались откровенные нападки на дворян со стороны либералов и разночинцев, министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский немало сил потратил на то, чтобы сохранить за дворянским сословием его привилегии»³³.

Осмотрительность и осторожность А.Б. Лобанова-Ростовского

Говорилось о смелости и решительности князя. Здесь выявляется и возможность его действовать и в противоположном русле, коль так диктует ему видение ситуации. Суждения Лобанова о международной политике России на Балканах представлены в работе о посланнике Сербии бароне Розене. Эта была та же осмотрительность, присущая в свое время Императору Александру II в ситуации на Балканах перед войной 1878-1879 гг., которую и сейчас нередко, по советской инерции, продолжают квалифицировать как инертность. Рассматривается несколько, один за другим следующих, переворотов в Сербии, произошедшими в связи с недальновидным поведением бывшего короля сербского Милана в 1894 г. Статья основана на нью-йоркском издании записок барона 1922 г. и вводимых в обиход новых архивных фрагментов³⁴: «Как вспоминал барон Р.Р. Розен, кн. Лобанов-Ростовский «был всегда против нашего вмешательства в политические дела славянских государств Балканского полуострова, в частности Сербии»: «Основной его инструкцией для меня была лишь одна короткая фраза: «Не иди по дороге своего предшественника»» [В России возвращение Милана в Сербию вызвало недовольство, о чем предшественник посол Персиани довел до сведения сербских властей, что в итоге привело к разладу в российско-сербских отношениях]. В инструкциях барону Лобанов развивает мысль: «Мы

³³ Павлова С.Е. О преобразовании университетов./Московский журнал, 15.03.2005, № 3, с. 2-6.

³⁴ В частности, в связи с Лобановым приводятся документы АВПРИ (Архив внешней политики российской империи) см. Кабанов Д. С. Дипломатическая миссия Р. Р. Розена в Сербии в 1895 - 1897 годах. / Российская история, №3, 2008, с.110-115.

стараясь,— писал Лобанов-Ростовский Розену 25 мая 1895 г.,— сдерживать сербских деятелей всех оттенков в пределах законности, предостерегая их от пагубных последствий антидинастических интриг, неминуемо ведущих к внутренним и внешним замешательствам». Прослужив в Сербии лишь несколько месяцев, Розен составил подробную программу своей будущей деятельности, одобренную затем кн. Лобановым-Ростовским и Николаем II»³⁵.

Борьба за пост министра

Последняя по времени работа, с которой нам удалось ознакомиться, посвящена ситуации вокруг назначения Лобанова-Ростовского министром МИД в 1895 г.³⁶, и весьма убеждает в значительности фигуры дипломата и в его преклонные годы — ему шел восьмой десяток лет. Ибо только очень сильные фигуры могут вызвать столь мощное противостояние сторонников и противников, сильнейших игроков во власти. Беспрецедентная ситуация: министерский пост оставался пустым целых пол года после смерти предыдущего министра Гирса в силу того, что князь стал «причиной раздора в верхах». «Представители высшей бюрократии разделились на враждебные лагеря, причем складывается впечатление, что они сложились по принципу отношения к кандидатуре Лобанова — «за» или «против». Причин много. Важнейшие: репутация «либерала-западника» и в свое время неблаговоление к князю Императора Александра III, а с ним и императрицы Марии Федоровны, роль которой в первые месяцы правления Императора Николая II была особой; независимый характер Лобанова, нежелание поддержать министра финансов графа С.Ю. Витте, и отсюда нерасположение к нему последнего. Напротив, дядя Императора Николая II, Вел. князь Владимир Александрович, был бесспорным сторонником назначения Лобанова министром. Была составлена интрига, в результате которой князь должен был отправиться послом в Берлин. Молодой Император колебался между той и другой

³⁵ Там же, с. 111.

³⁶ Голечкова О.Ю. Пустующее министерство или борьба вокруг назначения князя А.Б. Лобанова-Ростовского на пост министра иностранных дел. / Клио. Журнал для ученых, 2013, № 4 (76), сс. 50-54.

сильнейшими сторонами. Официальное назначение Лобанова послом в Берлин состоялось и было подписано Николаем II. Кандидатура посла в Лондоне Е.Е. Сталя в качестве министра «возникла в противовес Лобанову». И тут история показала, что искусственно создаваемые фигуры — шаткий козырь власти. Сталь внезапно и категорически отказался. Не без некоторой неприятности для Лобанова в процедуре самого назначения, через три недели после отказа Сталя оно состоялось.

Как известно из исследования И.С. Кушнарева, на посту министра, «ведя осторожную и взвешенную политику, он решал все проблемы исключительно дипломатическими методами, не допуская втягивания России в военные конфликты. К сожалению, после смерти Лобанова внешнеполитический курс России отошел от намеченной им линии, приобретя авантюристические черты, что привело страну к известным трудностям, особенно остро проявившимся на Дальнем Востоке в начале XX в.»³⁷.

Новый текст из наследия Михаила Лобанова-

Ростовского в периодике текущего десятилетия XXI века

Впервые опубликована рукопись Михаила Борисовича Лобанова-Ростовского «О преобразовании университетов»³⁸. Автор констатирует: «Среди тех военных деятелей XIX века кто, не оставляя бранной службы, пробовал силы в различных жанрах словесности — от стихов и прозы до мемуаров, — Михаил Борисович является, пожалуй, фигурой наиболее забытой. Большинство его сочинений с самого начала находилось и доныне продолжает пребывать под спудом. А между тем перу М. Б. Лобанова-Ростовского принадлежат аналитические записки по самым разным вопросам общественной жизни, представляющие собой интереснейшие свидетельства того времени». Записки публикатор в целом оценивает как актуальные и полезные сегодня, видя их направленность в том, как сформировать и расширить путем образования национальную

³⁷ Кушнарев И.С., с. 224.

³⁸ Павлова С.Е. О преобразовании университетов./Московский журнал, 15.03.2005, № 3, с. 2-6. Заметим, что видим благодарность Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому в подготовке публикации.

культурную элиту. Ниже мы проанализировали некоторые положения применительно к современности.

Так, М.Б. Лобанов-Ростовский видит задачу образования в том, чтобы «определить точно значение университетов как приготовителей граждан, от которых Отечество ожидает пользы и правительство содействия в исполнении своих предначертаний».

Как нельзя более своевременно звучат слова об участии государства в развитии науки и зависимости его благосостояния от активности в данной области: *«нельзя государству не быть самому деятельным в научном отношении, если не хочет оно лишиться всех выгод, доставляемых успехами наук, и быть упреждenu другими народами в богатстве и благосостоянии»*.

Писатель утверждает роль ученого для государства: «становится совершенно ощутительною необходимость в государстве таких людей, которые бы занимались исключительно избранными ими науками». Говорит о необходимости систематического, мы бы сейчас сказали, академического типа образования, служащего защитой от «лженауки». И этот тезис оказывается своевременным, особенно после бесконечного ряда популяризации прессой псевдоисследований, недобросовестных в отношении используемых источников или прямых их фальсификаторов. *«Только опираясь на твердых и положительных началах, можно быть безопасным от всех легкомысленных теорий, которые так прививчивы и которым так охотно верит необразованная толпа*. Но такая твердая опора может быть дана только в таких местах, где глубокое и специальное изучение всякого предмета дает ясное о нем понятие и исключает всякое вредное влияние. Таким именно местом должны быть университеты».

Еще многое правильное и востребованное сегодня сообщает Лобанов:

— о необходимости творческого соревнования между профессорами и учениками, побуждающее первых идти вперед;

— об опасности перевеса прикладного образования над теоретическим. Заметим, к этому ныне стремятся свести учебный процесс многие университеты. Довод весом и звучит так, будто сказано на днях: «уничтожилась бы и надежда всех истинных

любителей просвещения на образование самостоятельной науки в России,.. и Россия принуждена бы была оставаться навсегда в зависимости от движения наук за границей, пользуясь некоторыми из добытых там результатов и не приходя сама к новым... Ибо средние и специальные учебные заведения, к каким бы принадлежали тогда университеты, могут сообщить своим воспитанникам только главнейшие результаты науки, и то преимущественно с их прикладной стороны, самое же движение и направление наук может быть даваемо им только учеными учреждениями, освобожденными от практического направления».

— о главном достоинстве университетов — «широком взгляде» на науку. Переведа на язык современности — о важности «фоновых знаний», приоритете теоретической подготовки и владении разнообразными научными подходами. Как известно, по сей день мы видим явное преимущество российского образования, например, перед американским. Первое нацелено на воспитание творческих навыков, которые дают возможность использовать научный инструментарий для анализа фактов в разных областях науки. Второе устремлено на то, чтобы в основном передать фактологический фонд какой-то одной отрасли знаний. Конечно, мы говорим с долей условности, при переносе современных понятий на XIX век, но именно второй подход воспитывает тех, кого Лобанов-Ростовский называет *«рутинистами»*. И видит их бесполезность в развитии нового в науке, следовательно, и в развитии государства. Соображения подкрепляются замечательной фразой: *«Университеты все-таки будут иметь высокое назначение, образуя головы. И когда правительство призовет их к себе, оно убедится, что государственный человек еще может сделаться рутинистом, рутинист же государственным человеком — никогда»*.

— важная мысль о балансе в государстве двух типов чиновников: «усердных исполнителей», воспитанных прикладным образованием, то есть «рутинистов», и новаторов, «креативщиков» в современном понимании, которые могут быть правильно сформированы теоретическим образованием университетов. *«Первый разряд чиновников должен жить в настоящем, обеспеченные жалованьем. Для них служба есть*

ремесло. Второй же разряд чиновников *должен действовать для будущности*. Беда, если служба обратится для него в ремесло... Университеты должны служить к приготовлению чиновников второго, то есть высшего разряда».

Наконец, он рекомендует не преграждать доступ к университетскому образованию представителей разных сословий, ибо «зависть сословная», то есть, в сущности, «классовая борьба» за возможность образования чревата социальными конфликтами: «Наводит недовольных на мысль о возможности политических переворотов с целью уничтожения политических преград... К числу этих опасных средств принадлежало бы запрещение доступа к университету некоторым сословиям в пользу других».

Должны отметить непосредственный и своеобразный язык «Записки».

Проведя обзор публикаций периодических научных изданий XXI века, касающихся разных сторон деятельности братьев Алексея (2008-2014 гг.) и Михаила Лобановых-Ростовских (1999-2014 гг.),

Выводы нам видятся следующие:

— обширное наследие Лобановых-Ростовских ныне опубликовано столь фрагментарно, что сегодня о нем не может быть составлено полное впечатление

— уже опубликованное представляет значительный историко-культурный интерес

— изучение подлинной роли братьев в истории и культуре России находится в начале пути

— на наш взгляд, первоочередной задачей является подготовка к изданию и публикации всего корпуса сочинений Лобановых-Ростовских, по крайней мере, значительной его части, с вступительными и историко-текстологическими комментариями. Это даст возможность исследователям объективно и многосторонне в дальнейшем оценить их деятельность и вклад в историю России.

Литература

1. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Критико-биографический очерк. Ф.И. Тютчев. / Тютчев. Стихотворения. – Спб. Изд. А.Ф. Маркса, 1911.

2. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. – М., Советский писатель, 1964; – переиз. М., Худож. лит., 1986.
3. Гентшенфельбе Наталия фон. Диалектика любви. / Рюрикович в XXI веке. – М., 2017
4. Голечкова О.Ю. Пустующее министерство или борьба вокруг назначения князя А.Б. Лобанова-Ростовского на пост министра иностранных дел. / Клио. Журнал для ученых – 2013. – № 4 (76).
5. Кабанов Д.С. Дипломатическая миссия Р. Р. Розена в Сербии в 1895 - 1897 годах. / Российская история – 2008. – №3,
6. Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. – М., Кучково поле, 2008.
7. Ковригина С.И. Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский / Книга в пространстве культуры. Вып. 1(6), – М., 2010.
8. Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского. Саратовский государственный технический университет. Дисс. на соиск. зв. канд. ист. Наук. На правах рукописи. – 2008 г.
9. Лобанов-Ростовский М.Б. Из записок // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Худож. лит., 1989.
10. Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. – М., 2010.
11. Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в эмиграции. – М., 2015.
12. Лобанов-Ростовский Н.Д. Рюрикович в XXI веке. – М., 2017.
13. Лобанова-Ростовская В.Д. О российской трагедии. До и после 1917 г. Воспоминания матери. – М., Минувшее, 2018. [Лобанов-Ростовский Н.Д. публикатор]
14. Павлова С.Е. О преобразовании университетов. / Московский журнал, – 2005.– № 3.
15. Русский барин — герой Франции Н.В. Вырубов. – М., 2017. [Лобанов-Ростовский Н.Д. публикатор]

16. Сидорова Анна, Исаева Елена. Ларец императора Павла / Родина – 2014. – № 4.
17. Айрапетов Олег. Россия: решительный шаг к войне во имя сохранения мира. [Электронный ресурс] – Электрон, дан. – Regnum 2018. – URL: <https://regnum.ru/news/2400948.html>.
18. «Восточная литература» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Vajnachi_impersk_vlast/1-20/10.htm.
19. Кожин В.В. Тютчев. [Электронный ресурс] – Электрон, дан. – М., Молодая гвардия, 1988. – URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/prorok-6.htm>.
20. Коллекция автографов кн. А. Б. Лобанова-Ростовского. /Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. в четырех томах. [Электронный ресурс] – Электрон, дан. – Том 4. 1999. – URL: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=151&sid=336393>.
21. «Лермонтов–лит.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/gershtejn/sudba-lermontova-5-4.htm>.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Саламатина Ирина Ивановна
Irina Salamatina

Современные тенденции коллаборативного обучения в малой учебной группе американской школы

Towards small-group collaborative learning in American schools

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные проблемы коллаборативного обучения и обучения в «малых группах» американской школы, улучшение качества образования и воспитания через продуктивное взаимодействие. Раскрываются основные принципы группового взаимодействия в микросоциуме. В работе представлены основные характеристики группового обучения и рекомендации по их внедрению.

Abstract: The present paper gives an overview of some topical issues in collaborative and small-group teaching in US school environment and the potential of collaborative techniques for boosting the quality of education. Thus, it focuses specifically on the principle of interaction between the members of the group on the micro level. Special attention is paid to the key aspects of teaching in small groups, accompanied by some guidelines on implementation of these ideas in other educational scenarios.

Ключевые слова: коллаборативное обучение, обучение в «малых группах», коллаборативная среда, взаимодействие, привлекательность.

Key words: collaborative learning, small-group teaching, collaborative environment, interaction, attention value.

In the modern era of digital and virtual technologies, advances in multi-media and artificial intelligence the global reform of the educational systems is a necessity not just for Russia, but for the whole world. Now the teacher has to use in the classroom innovative techniques and methods of teaching. Their role can no longer be reduced to mere transmission of information. The understanding of the teacher's role has changed dramatically. Now the educator is also a manager, a creative thinker, who moderates and facilitates the educational process, thus going an extra mile both in the class room and beyond it. As Roitblatt points it out, the transformation of the teacher's role can be explained by both internal and external factors,

as well as innovation in the industry, with the juxtapositions of formal and informal education and individual professional trajectories becoming more acute [Ройтблат, 2011].

Current trends in the theory of education show steady transition to the teaching models within which the student is viewed as an active participant of the process.

One of the most apparent and important innovations is the concept of collaborative learning, which, according to Dyachenko, is an approach to teaching which implies that in the process of solving a problem or performing a certain task, groups of students or teachers have to collaborate [Дьяченко, 1991]. As Bektasova points it out, the concept of teaching as a social activity, in which communication between students results in education, is the foundation of collaborative learning [Bektasova, 2016].

To learn collaboratively means to cooperate while learning, i.e. to function within the framework which relies on joint work, to adhere to a certain life philosophy, in which the final goal can only be achieved through mutual backing and joint work.

Collaboration cannot be reduced to a mere study method. It is a *modus vivendi*, an attitude which goes beyond the classroom. Whenever people decide to work in groups, they cannot but rely on the principles of fair cooperation and collaboration, which praise and respect the effort, talents and contribution of each individual member of the group. The efficiency of such groups is rooted in the principles of shared authority and responsibility between group members. One of the essential elements of collaborative learning is the consensus between the teacher and students.

In the situation of collaborative learning, the students enjoy the opportunity to interact with their peers, present their ideas, share and question opinions and thus be active in class. Group-based collaboration benefits the development of social, cognitive and emotional spheres of personality. Teaching is most efficient when all the students are involved in the educational process via active teaching techniques.

Lessons learnt from educators around the world suggest that free education in small groups is widespread in American secondary schools. The effect of this approach is twofold: on the one hand, collaborative learning allows to achieve better academic results,

whereas on the other hand, it allows to improve the behavior of the students [Newman, 1984]. E. Gluek, Sheldon and L. Yablonsky claim that American schools are currently in a state of crisis, which manifests itself in lax behavior, decline of families and disrespect to authority. This in turn results in children being neglected, unhappy and having no purpose in life.

Hence, in the US schools are regarded as institutions that are responsible for the life of every child. The schools have to make them more involved in social life, thus mitigating the negative impact of conflict-ridden and potentially destructive social environment that many teenagers exist in. Consequently, American educators and psychologists pay special attention to the study of various aspects of school life, treating a class as a type of social micro group. Many educators agree that a classroom is a model of our society and that in any school we can find virtually any type of a social group which exists in society.

Even though European and American research paradigms offer a variety of approaches to cooperation in education, most researches point out just a handful of key principles beyond collaborative education:

1. Education is an active process in the course of which the student acquires new information which is linked to the knowledge that they already have.

2. In order to teach the student something, his or her peers have to be actively involved in the processing and analysis of information, rather than in memorizing facts.

3. The students benefit from familiarizing themselves with the point of view other than their own.

4. Cooperation between students improves the social environment in which the students interact, as well as the educational environment and the quality of teaching.

5. The collaborative environment allows the students to become more mature both socially and emotionally as they have to confront different opinions and argue their viewpoints. At the very same time they start to develop their own frameworks and benchmarks, and to rely less on expert opinion.

Thus, in a collaborative learning scheme the students enjoy the opportunity to interact with their peers, present a wider range of ideas,

share and question opinions and thus be active in class [Smith & MacGregor, 1992].

Recent findings of American psychologists and educators working in the field of collaborative learning have developed a set of guidelines for teachers. These guidelines are supposed to improve their classroom and especially small group management skills and focus the teachers' attention on 'small' subgroups, 'free communication', 'conformity' 'authority', 'discipline', 'leadership', etc. They treat these concepts as indispensable elements which ensure the dynamics of collaborative learning. At the same time the teacher has to focus on a wide range of factors which affect the behavior of either an individual student, or the whole group and, consequently facilitate or hinder the performance of certain roles in the groups. We think that one of the most interesting trends in the study of group dynamics is the nature of cooperation in children and adolescents.

Educators and psychologists in the USA believe that any study group is a universe in itself, where there is place for friendship and hostility, attraction and enmity, love and hatred. These feelings affect both the academic progress and personal development of the student. Being aware of this, teachers should understand the standing of each student in their class in relation to their standing in class hierarchies. The studies of appeal which were conducted by U.S. researchers focus mostly on the prerequisites and traits, i.e. the factors which make the student 'likeable' by the peers. So, what are these factors? [Salamatina, 2007].

U.S. researchers name physical qualities as the major factor in the choice of group partner. E.g., E. Gold states that such physical qualities as 'sporty', 'good looking', 'pretty', 'beautiful', 'handsome', 'composed', etc., are perceived by primary school children as the foundation of appeal. At the same time, the study showed that children with disabilities, e.g. lameness, stammering, inability to run fast or play ball often experience group hostility. E. Gold claims that since the role of beauty and physical prowess is getting bigger, the children simply copy it. This approach clearly demonstrates the acceptance of force and its superiority in modern society.

As equally important factors American researchers name intelligence and wit. However, they note that children with relatively high IQ levels but having physical deficiencies should study at special

institutions as in a regular class-room they might be victimized on the basis of this defect. In other words, children exclude and alienate the weaker members of their group in a relatively cruel manner.

Exceptionally gifted children are often too become underprivileged in such groups. The findings of Baswell and Terrance shows that such children of-ten show non-conformity and often act unpredictably for others and are thus badly perceived by other members of the group. Still, their academic success affects their standing in the group. Interestingly enough, the correlation between ani-mosity and academic success, being less apparent on primary school, becomes more visible in high school. 'Alienated' children find it harder to concentrate on cognitive tasks and are not as composed as they should be. Children who come to the lesson unprepared feel afraid, nervous and show anxiety and are consequently mistreated by their peers. The students who are accepted by the group have a high operating potential, find joy in communication and do it easily.

Thus, the studies of U.S. scholars show that the status of being liked or disliked affects the personality of the child. They think the person who does not like himself or herself is often unsuccessful with the peers and finds it difficult to collaborate with them.

So, what are American teachers encouraged to do in order to improve the situation and make the children kinder towards each other?

Schmuck suggests several practical tips which can also be applicable in the context of Russian school [Schmuck, 1992]. In particular, they recommend:

1. Change the attitude of the whole group to unpopular children.

While conducting a sociometric survey, the teacher has to identify the students which have either the highest or the lowest status in class. Then the children with different statuses have to be split in micro groups within which they have to discuss their anxieties with the teacher, as well as the things which make them either popular or unpopular with other children. Thorough and frank individual meetings are finalized with the class-wide talk and a role-play. Teachers say that this method yields good results and improves collaboration and interpersonal relations between children.

2. Encourage informal groups to accept new members.

The purpose of this step is to foster friendships. Students are asked to prepare a kind of psychological catalogues of each other, which makes up a book they later read all together. It allows to speed up the process of getting the people acquainted, make the people more inclined towards each other and bring collaborative teaching on a new level.

3. Creation of task groups which can change the attitude of children.

The teacher forms small task groups in such a manner that they include students of all sociometric statuses. The composition of the group changes each month. It allows all members of the class to make contact. Children who were earlier alienated become bolder, more active and attractive for their classmates.

Such recommendations, as well as the approach to the problem of attractiveness, have their good sides and can be tested in modern Russian schools.

Collaborative (group) teaching means teaching in cooperation. In any case, when people team up, the foundation of their cooperation is mutual respect for and recognition of the abilities and input of each member of the group [Russell, 2013].

Group work allows to employ more versatile methods of teaching as compared to traditional lesson. While working in small groups the students get a better understanding of the study material and learn to reflect upon it. Collaborative environment is the prerequisite to mutual understanding. Mutual understanding means that each member of the group has a similar understanding of the situation, similar opinions and assumptions, as well as shared ideas [Bektasova, 2016].

Литература

22. Бектасова Г. К. Коллаборативная среда как эффективная форма организации урока в условиях повышения качества образования и воспитания [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). - М.: Буки-Веди, 2016. - С. 3-4.

23. Дьяченко В. К. «Сотрудничество в обучении. О коллективном способе учебной работы». – М.: Наука, 1991. – С. 24-57.
24. Рассел, Джесси. Формы организации обучения. – Санкт Петербург, 2013. – 57 с.
25. Ройтблат О.В. Неформальное образование в системе повышения квалификации в условиях трансформации педагогической профессии. – Мир науки, культуры, образования. – № 2 (27). – 2011. – С. 127.
26. Саламатина И.И. Зарубежные теории делинквентности несовершеннолетних // Сибирский педагогический журнал. - № 14, 2007. – С. 390-399.
27. Newman, R. Groups in School. NY, 1984.
28. Schmuck, Richard, Schmuck, Patricia. Groups Process in the Classroom. Dubuque, Iowa, 1992.
29. Smith, B. L., MacGregor, J. T. What is collaborative learning? In Collaborative learning: a sourcebook for higher education. Pennsylvania State University: the National Center on Postsecondary Teaching, Learning, and Assessment. – 1992.

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Савельев Сергей Владимирович
Saveliev Sergey

Формирование общественного мнения о коммерческой атомной энергетике в «постфукусимский» период в дискурсе популярных англо-американских цифровых СМИ: опыт корпусного исследования

Forming public opinion on post-fukishima commercial nuclear energy in British And American media discourse: a corpus study

Аннотация: настоящей статье анализируются стратегии формирования общественного мнения аудитории популярных британских и американских электронных СМИ по проблеме ядерной энергетики, а также «атомного» медийного дискурса как такового. За счет применения методов корпусной лингвистики удается наглядно продемонстрировать общие для большинства СМИ идеологические доминанты, определяющие характер освещения указанных проблем.

Abstract: The primary focus of the article is on the methods employed by the mainstream British and American media to form the public opinion on nuclear energy and on the nature of 'nuclear' media discourse in general. Use of a dedicated corpus allows gives an insight into related ideological concerns.

Ключевые слова: атомная энергетика, дискурс, критический анализ дискурса, СМИ, идеология.

Key words: nuclear energy, discourse, critical discourse analysis, media, ideology.

В современных популярных медиа события из мира атомной энергетики довольно редко подвергаются достаточно широкому освещению. При этом, основная масса публикаций по данной проблематике приходится на отрезки времени, следующие за крупными авариями на объектах атомной энергетики, например после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году или аварии на АЭС Фукусима в 2011. Таким образом, точкой начала «атомного» дискурса в массовом медийном пространстве является не условный информационный или эмоциональный «ноль», то есть отсутствие у участников дискурса сколь-либо значимой информации о предмете коммуникации и, важно, четко оформленного эмоционального отношения к нему, а некая «отрицательная база». Иными словами, при освещении таких событий мы имеем дело с намеренным или случайным сокрытием иных дискурсов кроме анти-атомного (см.,

например, в [Van Dijk, 1997]). При этом возникает закономерный вопрос о наличии каких-либо иных «атомных дискурсов» в принципе. В данной статье мы намеренно исключаем из рассмотрения дискурс об атомном оружии как несколько несоответствующий задачам исследования, хотя и являющийся смежным по отношению к рассматриваемому. Также исключается из рассмотрения дискурс, в котором все его участники являются специалистами в данной области. Данное решение оправдывается тем, что значительная часть внутриотраслевого дискурса не ориентирована на широкую общественность, а используемая в нем терминология, касающаяся наиболее значимого для массового потребителя медиа продуктов вопроса, – безопасности – омонимична словам быденного языка (см. в частности [Савельев, 2018]).

Таким образом, наиболее рациональным видится рассмотрение в качестве материала текстов наиболее читаемых и цитируемых англо-американских СМИ (т.н. *mainstream media*), которые в значительной степени формируют рассматриваемый нами дискурс. При этом существенной методологической проблемой при рассмотрении данного дискурса является объективность получаемых результатов. Действительно, при рассмотрении того или иного медийного текста в рамках методики анализа дискурса, мы, на определенном этапе, можем оказаться в ситуации, когда результат, полученный на основании анализа ограниченной выборки текстов, будет экстраполироваться на дискурс в целом, что не всегда оправдано. В этом смысле, мы некоторой степени разделяем взгляды Вивьен Бёрр, которая, рассуждая об объективности в дискурсивных и социолингвистических исследованиях, вполне справедливо отмечает, что даже объективный взгляд является, тем не менее, взглядом и своего рода концепцией и, соответственно, оказывает влияние на получаемые исследователем результаты [Burr, 1995: 160]. Очевидно также, что при исследовании дискурса мы склонны недооценивать данные, идущие в разрез с выбранной нами гипотезой, что, разумеется, не способствует объективности нашего исследования. Таким образом, мы решили построить наше исследование как дискурсивное на основе корпуса, то есть «корпусообусловленное» (*corpus-driven study*). То есть, корпус

является не столько инструментом верификации выдвигаемых нами положений и идей, сколько самим их источником, что позволяет свести к минимуму количество априорных условий, которым подчиняются содержащиеся в корпусе данные.

Для целей данной статьи нами был собран достаточно небольшой, но при этом максимально тематически гомогенный корпус размером около 74 тысяч токенов (64 тысячи слов). Источником корпуса послужили доступные для просмотра на момент подготовки тексты публикаций таких СМИ как The Economist, The Guardian, Washington Post, The New York Times, The Times, Wall Street Journal, а также текстовые ресурсы агентств новостей BBC и CNN. Подобная организация материала может вызвать определенные вопросы и, очевидно, требует пояснений. Так, малый размер корпуса обусловлен тем, во-первых, из него исключены повторы, то есть повторные размещения определенной публикации другими СМИ. Во-вторых, критерии отбора материала корпуса предполагали наличие в отбираемых текстах одновременно двух лексем: Fukushima (Фукусима) и nuclear (атомный), что позволило отсеять публикации о префектуре Фукусима вне ее связи с тяжёлой аварией на атомной электростанции, а также публикации о, например, Иране (ср. Iran nuclear deal) или о проблемах семьи (ср. nuclear family). Таким образом, мы получили тематически однородный корпус, посвящённый публикациям по одной проблеме. Очевиден и некоторый дисбаланс между британскими и американскими источниками. Этот кажущийся дисбаланс имеет вполне рациональное объяснение: по данным МАГАТЭ атомная энергетика США является крупнейшей в мире как по размерам реакторного парка, так и по объёму вырабатываемой электроэнергии. [PRIS, 2019]. При этом традиционной для атомной энергетике США является дискуссия о её окупаемости. Таким образом, тональность постфукусимского дискурса применительно к США позволяет сделать определённые прогнозы относительно формируемого в стране общественного мнения по данному вопросу.

Для работы с корпусом нами был выбран инструмент SketchEngie. Выбор именно этого инструмента был обусловлен, во-первых, реализованной в нем возможностью сбора

необходимых данных с веб-страниц соответствующих изданий, а, во-вторых, наличием в нем мощных средств анализа данных и их последующей визуализации.

В качестве первого шага мы провели поиск n-грамм в корпусе с тем, чтобы выявить наиболее типичные для подобного корпуса коллокации. Исключив из результатов сочетания типа предлог + артикль (например, in the), мы вполне закономерно обнаружили, что наиболее частотной биграммой, то есть n-граммой состоящей из двух единиц, является nuclear power, составляющая тематический центр дискурса, то есть его предмет.

Следующим шагом стал поиск глагольных фраз, в которых nuclear energy находится в позиции объекта, и анализ эмоционального окрашивания использованных с данной коллокацией глаголов. Поиск в корпусе показал, что наиболее частотными, являются глаголы явной позитивной семантики: make, expand, support. При этом поиск данных глагольных сочетаний в конкордансе показал, что они встречаются в основном в текстах информационных сообщений о Китае и росте его экономического могущества, а значит могут создавать угрозу США, например:

NY Times <..> factor in making nuclear energy economically attractive in China.<...>

<...> Among the winners could be China, which has ambitions to turn its growing nuclear technical abilities<...>

В данных примерах мы можем наблюдать создание фрейма с тремя фактическими слотами: АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ – КИТАЙ – УСПЕХ и вводимым на уровне адресованного широкой общественности текущего дискурса американской внешней политики четвертого подразумеваемого слота – ОПАСНОСТЬ ДЛЯ США.

Эффект данной модели усиливается за счет введения в сконструированные подобным образом тексты терминологического фразеологизма China Syndrome, гипотетического сценария тяжелой аварии при которой, в результате потери теплоносителя активная зона реактора расплавится, а получившаяся раскалённая масса пройдет планету насквозь и выйдет наружу в Китае. Очевидно, что подобный сценарий является абсолютно невозможным физически, а сама

фобия такого типа была связана с аварией на АЭС Три Майл Айленд в США. Таким образом, нынешний фрейм отсылает участников дискурса к прецедентному феномену, актуализируя в сознании адресатов как поверхностное воспоминание о реалии, оформленное в виде фрейма АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ – АВАРИЯ, так и более глубинную когнитивную оппозицию ВЕРХ – НИЗ, где Китаю, очевидно отводится позиция НИЗ, то есть позиция отрицательно маркированного участника дискурса.

Наш дальнейший интерес был обращен к паре лексем *accident* и *disaster*. Данная пара была выбрана нами не случайно. В качестве рабочей гипотезы мы предположили, что их сходство на уровне семантического примитива – событие с отрицательными последствиями – может привести к тому, что они могут использоваться синонимично в сходных контекстах, а выбор в пользу того или иного синонима будет обусловлен дискурсивной установкой издания. Используя метод словарных дефиниций мы видим, что толковый словарь Merriam-Webster определяет *disaster* как «a sudden calamitous event bringing great damage, loss, or destruction» [Merriam-Webster, Электронный ресурс]. *Accident* же имеет более широкую трактовку и определяется как «an unfortunate event resulting especially from carelessness or ignorance» [Merriam-Webster, Электронный ресурс]. То есть, дифференциальным семантическим признаком для данных лексем будет, согласно корпусным данным, специфичный для *accident* компонент «халатного отношения». С целью проведения контрастивного исследования функционирования данных единиц в нашем корпусе, мы использовали функцию Sketch Difference, позволяющую выявить сочетаемость, свойственную только каждой отдельной единице, а также общие для обеих единиц варианты сочетаемости. Количественный анализ показал, что в нашем корпусе присутствует 101 вхождение лексемы *accident* и 105 вхождений лексемы *disaster*, что позволяет хотя бы и косвенно утверждать, что они используются синонимично. В пользу этой версии говорит достаточно большое количество общих для обеих лексем сочетаний в различных позициях с семантически релевантными тематике дискурса существительными и прилагательными *Fukushima* и *nuclear*. При этом анализ результатов по лексемам-

модификаторам accident и disaster как в пост-, так и препозиции была обнаружена любопытная закономерность. Так, в подборку модификаторов для accident попал акроним “TMI” – Three Mile Island – АЭС в штате Пенсильвания, на втором энергоблоке которой в результате серии ошибок оперативного персонала и существенных просчетов проектировщиков блочного щита управления реактором в 1979 году произошло частичное расплавление активной зоны и выход продуктов деления за пределы реакторной установки. В то же время среди единиц, сочетающихся только с disaster оказалась лексема Chernobyl – явное указание на тяжёлую запроектную аварию на 4 энергоблоке Чернобыльской АЭС в 1986 году, в результате которой произошёл масштабный выход радиоактивных материалов за пределы «ядерного острова» АЭС и масштабные разрушения реактора и вспомогательных систем. Так, сравнение аварии на АЭС Фукусима с аварией на ЧАЭС дают исключительно британские источники, в то время как, американские медиа используют географически более близкое сравнение с аварией на АЭС Три Майл Айленд. При этом наблюдается довольно любопытная игра с терминологическим и нетерминологическим значением лексем accident и incident абсолютно в духе концепции Л.Витгенштейна о языковой игре как манифестации плюрализма значений [Витгенштейн 1994]. Так, при освещении проблематики ядерной энергетики участники дискурса, разворачивающегося в пространстве СМИ переносят в медийный дискурс не только некую фактическую информацию, но и специфический язык данного дискурса донора, в котором широко используемые в СМИ слова обыденного языка приобретают совершенно иное значение. Так, согласно Глоссарию МАГАТЭ по вопросам безопасности, под accident понимается любое незапланированное событие, в том числе ошибки оперативного персонала, неисправность оборудования и иные события, которые существенно важны для безопасности и защищённости. Одновременно с этим определением существует еще одно, связанное с Международной шкалой ядерных событий (INES), оперирующей понятиями incident и accident. К accident (авария) относятся достаточно серьёзные события с выходом радиоактивных материалов за пределы ядерного объекта, в то

время как к incident (инцидент) относятся события, которые не привели к выходу радиоактивности за пределы промплощадки. В то же время глоссарий МАГАЭ проводит разницу между incident и accident по компоненту значения намеренный (incident) и ненамеренный (accident). Так как терминосистемы МАГАТЭ и INES не пересекаются между собой, то в профессиональной коммуникации эта терминологическая омонимия не несет серьезной проблемы. В медийном же дискурсе подобные различия, вкупе с подсознательным восприятием лексемы incident как указывающей на малозначительные события, позволяют весьма искусно манипулировать языком и существенным образом менять тональность дискурса:

The Guardian: We have identified 33 serious incidents and accidents at nuclear power stations since the first recorded one in 1952 at Chalk River in Ontario

The Chernobyl accident in 1987 chilled investment in nuclear around the world for well over a decade, (необходимо обратить внимание, что источник указывает дату события с ошибкой)

The NY Times: through to the other side of the Earth – no "China syndrome" – nor, in fact, did the T.M.I. accident produce any deaths, injuries or significant damage except to the plant itself.

Как видно из приведенных примеров, в частности serious incidents and accidents, терминология INES и МАГАТЭ, за счет своей омонимичности словам обыденного языка позволяет в данном случае формировать у адресатов дискурса негативную позицию по вопросам ядерной энергии за счет использования конструкций типа serious/dramatic/catstrophic + incident/accident, добавляя виток т.н. «спирали паники». Одновременно с этим происходит двухэтапная стигматизация, сначала одного события на фоне сходного, а затем, и всей темы в целом:

NY Times: Crisis at the Fukushima Daiichi Nuclear Power Station the worst nuclear accident since the Chernobyl reactor disaster a quarter century ago.

В данном примере мы наблюдаем как событие в Японии подается как crisis – то есть ситуация сложная, но, тем не менее, имеющая решение, хотя и потенциально болезненное. События же в Чернобыле, являясь в терминологии и МАГАТЭ и INES именно accident, подаются как disaster, то есть что-то что не

находится во власти человека. При этом фокусировка на части АЭС – реакторе – в примере с Чернобылем, дополнительно усиливает негативный эффект на фоне описанного в более общих словах события на АЭС Фукусима. Таким образом, используя аварию на ЧАЭС в качестве контраста для аварии на АЭС Фукусима, адресант дискурса с одной стороны скрывает от адресата истинные масштабы аварии в Японии, а с другой подводит его к мысли об опасности ядерной энергетики в целом.

Рассматривая как приведенные, так и опущенные в данном тексте примеры, можно сделать достаточно уверенный вывод, что в дискурсе популярных СМИ в США и Соединенном Королевстве имеет явно анти-атомную окраску, однако с разной внутренней логикой. Для британских медиа характерен акцент на отказе от атомной энергетики в принципе, что, в некоторой степени объясняется политической позицией высказывавшихся по этому поводу СМИ (ориентированность на ЕС, экологический популизм, радиофобия). Для СМИ США характерен дискурс атомной энергетики как угрозы для экономического доминирования США (боязнь лидерства Китая, усиление конкуренции с Францией и Россией на рынке технологий мирного атома).

Литература

7. Van Dijk, T. A. (1997). What is political discourse analysis? // *Belgian journal of Linguistics*, 11(1). – 1997. – P 11-52.
8. Савельев С.В. Многозначность терминологии атомной энергетики в контексте проблем прикладной терминологии // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. – 2018. – № 1 (18). – С. 74-78.
9. Burr, V. *An introduction to social constructionism* / V. Burr. – London: Routledge, 1995.
10. PRIS Country Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryStatisticsLandingPage.aspx>. (Дата обращения: 19.03.2019)

11. Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс].
URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/disaster>.
(Дата обращения 19.03.2019)
12. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.:
Гнозис, 1994. – С. 90

СПИСОК АВТОРОВ

Казина Арина Ивановна – аспирант, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Государственный социально-гуманитарный университет.

E-mail: arinachikireva@gmail.com

Телефон: +7 (916) 934 06 63

Лобанова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: lobanovaty@mail.ru

Телефон: +7 (914) 194 05 74

Осипова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии Московского педагогического государственного университета

E-mail: khukhuni@mail.ru

Телефон: + 7 (915)367-22-51

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: lpolubichenko@mail.ru

Телефон: +7 910 441 4081

Савельев Сергей Владимирович– кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

E-mail: saveliev.v.sergey@gmail.com

Телефон: +7 (985) 229 46 78

Salamatina Irina Ivanovna – Ph.D., Habil. in Pedagogy, Full Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages at State

University of Humanities and Social Studies, academician of International Teacher's Training Academy of Science.

E-mail: salir@mail.ru

Tel.: +7(916) 637 34 68

Федорова Екатерина Сергеевна – профессор МГУ, доктор культурологии, кандидат филологических наук, кафедра теории преподавания иностранных языков ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: ledentu@mail.ru

Телефон: +7 (917) 574 70 19

Филиппова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета

E-mail: inf.perevod@gmail.com

Телефон: +7 (916) 748 65 79

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного областного университета

E-mail: khukhuni@mail.ru

Телефон: + 7(916) 460-55-67

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN**, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлекцией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Требования к оформлению статьи

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

В начале статьи предоставляются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (полностью) автора (авторов), название статьи, ее аннотация объемом 40–50 слов, ниже отдельной строкой – ключевые слова. Сведения должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Андреев Сергей Петрович
Sergey Andreev

Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу

The language of hip-hop culture: from sociolect to discourse

Аннотация. Хип-хоп культура, как и рэп лирика, до недавнего времени находилась на периферии научного знания, как явление «маргинальное», «антисоциальное» и «массовое». Дискурсивный подход, предполагающий рассмотрение текстов в связи друг с другом, а также с явлениями окружающей действительности и социальной реальностью, позволяет сделать анализ комплексным и выявить внутренние закономерности языка отдельной социальной общности.

Abstract. The linguistic features of various subcultures used to be on the periphery of science until recently as something, considered to be “marginal”, “antisocial”, “popular”. As the result of communicative approach and anthropological turn in linguistics this situation has recently changed. In our research we make an attempt to define special features of the language of hip-hop culture taking into consideration the category of discourse.

Ключевые слова: хип-хоп культура, социолингвистика, дискурс, сленг, социолект, текст, рэп.
Key words: hip-hop culture, sociolinguistics, discourse, slang, sociolect, lyrics, rap.

Для подготовки статьи должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word и шрифт Times New Roman. Документ должен быть сохранен в формате *.rtf

Поля: по 2 см со всех сторон.

Объем статьи 5 – 8 страниц формата А4, ориентация – книжная. Шрифт – обычный, размер шрифта – 14 пт, междустрочный интервал - 1,5.

Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

– т. е. перефокусирование, которое мы рассматриваем как разновидность дефокусирования [Ирисханова, 2010].

Смена функции номинации с не прямой на прямую в тексте применительно к одному референту свидетельствует в пользу того, что такое наименование при повторном использовании способствует конвенционализации или закреплению [Кубрякова, Ирисханова, 2012: 184] его трансформированной структуры. Так, Р. Лэнкер отмечает, что «можно говорить о развертывающейся шкале конвенционализации когнитивного явления. Каждое использование некоторой структуры оказывает положительный эффект на степень конвенционализации, в то время как продолжительные периоды не-использования - отрицательный. Посредством повторного использования окказиональная структура (novel structure) постепенно конвенционализируется...» [Langacker, 1987: 59].

В конце статьи должны быть размещены сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

Иванов Алексей Павлович - кандидат филологических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexei_ivanov@yandex.ru.

Телефон: +7-906-754-41-22

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Научно-исследовательский журнал

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 20.03.19. Формат 60х90/16

Заказ № 63241. Тираж 1000 экз.

Типография Академии акварели и изящных искусств

art-tipografia.ru

117133, Москва, ул. Академика Варги, 15

Тел.: (495) 531-55-55

academy.andriaka.ru

